ГОУ ВПО «БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Исторический факультет
Кафедра российской и всеобщей истории

Сарапулкин В.А.

Памятники археологии VIII-X веков на территории Белгородской области

Учебное пособие

Белгород 2010

Рецензенты:

доктор ист. наук. Н.Н. Болгов (БелГУ)
канд. ист. наук А.Н. Бессуднов (ЛГПУ)

Сарапулкин, В.А. Памятники археологии VIII-X веков на территории Белгородской области (для студентов обучающихся по специальностям 030401.65 История; 050401.65 История с дополнительной специальностью Иностранный язык; по направлению подготовки 030400.62 История) / В.А. Сарапулкин — Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. — 97 с.

Учебное пособие содержит материалы по археологии Белгородской области, охватывая памятники последней четверти I тыс. н.э. Цель издания – помочь составить у студентов четкое представление об исторических процессах, протекавших на данной территории, о различных сторонах жизни населения, занимавшего ее в указанный период.
Пособие предназначено для студентов, обучающихся по специальностям 030401.65 История; 050401.65 История с дополнительной специальностью Иностранный язык; по направлению подготовки 030400.62 История. Материалы пособия могут использоваться учителями истории, сотрудниками органов охраны памятников истории и культуры, музейными работниками, краеведами.

© Сарапулкин В.А.
© Белгородский государственный университет, 2010

Содержание

Введение……..4
Раздел. I. Памятники салтово-маяцкой культуры на территории Белгородской области……..5
I.I. История изучения памятников салтово-маяцкой культуры на территории Белгородской области…….....8
I.II. Характеристика памятников салтово-маяцкой культуры на территории Белгородской области…..12
I.III. Материальная культура …….....…….30
I.IV. Хозяйство, военное дело, социальная организация, политическое устройство…….44
I.V. Этнокультурные процессы на территории донской лесостепи в хазарское время……...53
Список литературы к разделу I……...57
Контрольные вопросы к разделу I…….62
Темы рефератов к разделу I……64
Раздел II. Памятники роменской культуры на территории Белгородской области……..66
II.I. История изучения памятников роменской культуры на территории Белгородской области……68
II.II. Характеристика памятников роменской культуры…....69
II.III. Материальная культура роменских памятников…...…74
II.IV. Хозяйство, социальная организация, политическое устройство, происхождение…..……78
Список литературы к разделу II……...……82
Контрольные вопросы к разделу II…….……82
Темы рефератов к разделу II……86
Заключение……..87
Иллюстрации…….....……...89

Введение

Раннее средневековье является одним из наиболее значимых периодов в истории нашей страны. Именно в это время возникает древнерусское государство, начинается процесс формирования русского народа. Интенсивные этнокультурные процессы, перемещение больших масс населения делает VIII-X века чрезвычайно интересными для изучения. Следует отметить, что письменные источники, освещающие историю Восточной Европы в данный период, весьма малочисленны. Причем, если процессы, имевшие место в Поднепровье и Поволжье, привлекали внимание средневековых авторов, то территории, располагавшиеся между ними (за исключением Причерноморья), практически ими не упоминаются. Фактически единственным источником, позволяющим реконструировать события, происходившие на территории донской степи и лесостепи, являются данные археологии. Значительное количество памятников VIII-X веков известно на территории Белгородской области. Все они относятся к двум культурам – салтово-маяцкой и роменской (Рис. 1).

Учебное пособие содержит материалы по археологии Белгородской области, охватывая памятники последней четверти I тыс. н.э. Цель издания – помочь составить четкое представление у студентов об исторических процессах, протекавших на данной территории, о различных сторонах жизни населения, занимавшего ее в указанный период.

Учебное пособие предназначено для студентов, обучающихся по специальностям 030401.65 История; 050401.65 История с дополнительной специальностью Иностранный язык; по направлению подготовки 030400.62 История. Текст учебного пособия для удобства изучения разбит на два раздела, после каждого из них приведены контрольные вопросы и темы рефератов. В приложении публикуются иллюстрации – карты распространения памятников и изображения наиболее типичных для рассматриваемых культур вещей.

Раздел. I. Памятники салтово-маяцкой культуры на территории Белгородской области.

Салтово-маяцкая культура - массив памятников второй половины VIII-начала X веков, расположенных в степной и лесостепной зоне Восточной Европы. Территория распространения памятников охватывает пространство между Северским Донцом и Волгой, Прикубанье, Крым. На Севере она достигает верховьев Северского Донца и Тихой Сосны. Естественно, что памятники, отделенные друг от друга сотнями и тысячами километров, будут иметь отличия. Эти отличия позволили выделить локальные варианты салтово-маяцкой культуры. В настоящий момент можно с уверенностью говорить о существовании трех локальных вариантов: лесостепного – в верховьях Северского Донца, Оскола и на Среднем Дону; степного (донского) – в Среднем и Нижнем течении Донца и Нижнем Дону; крымского – занимавшего восточные районы Крымского полуострова. Вероятно существование локального варианта в Прикубанье, возможно, в Приазовье.

Салтово-маяцкую культуру большинство исследователей считают государственной культурой Хазарского каганата – раннегосударственного образования VII-X вв. Это не совсем верно. Политический центр хазарского государства письменные источники помещают в Приморском Дагестане и на Нижней Волге. В этих районах памятников салтово-маяцкой культуры нет. Материалы VII-VIII веков Дагестана скорее представляют собой результат развития местной культуры дохазарского времени. На Нижней Волге известны лишь отдельные погребения последней четверти первого тысячелетия н.э. при практически полном отсутствии бытовых памятников. То есть салтово-маяцкие памятники следует связывать лишь с западной частью каганата.

Политическая история Хазарского каганата известна благодаря свидетельствам арабских, византийских, закавказских и еврейских источников. Хазары выходят на историческую сцену в VI веке н.э. На раннем этапе своей истории они входят в состав Тюркского каганата. Описание хазар

данного периода – типичный портрет азиатского кочевника.

В середине VII века Тюркский каганат распадается и хазары становятся самостоятельной политической силой. В результате войны с другим протогосударственным образованием, возникшем на развалинах Тюркской державы – Великой Болгарией, Хазарский каганат становится доминирующей военно-политической силой в Восточной Европе. Его власть распространяется от Среднего Поднепровья на западе до Волги на востоке. В подчинении каганата оказываются различные по происхождению народы – болгары, занимавшие степное Подонье и Прикубанье, славянские племена Днепровского Левобережья, поляне Киевщины, фино-угорские племена Доно-Волжского междуречья, аланы Предкавказья и т.д.

Значительным событием в жизни молодого государства стали войны с арабами, имевшими место в первой трети VIII века. Ареной боевых действий стало Закавказье и Приморский Дагестан. Ход войны был в целом неудачным для каганата. Во время похода арабского полководца Мервана 737 года были разгромлены хазарские города Восточного Предкавказья, каган попал в плен и вынужден был принять ислам. Это заставило хазарских правителей перенести административный центр государства в глубинные районы страны – на Нижнюю Волгу. Внутренние распри не позволили арабам развить успех, Хазария сохранила и территории, и независимость, и традиционную религию.

Следующим значительным событием в истории Хазарского каганата стало принятие в начале IX века иудаизма в качестве государственной религии. Этот беспрецедентный в мировой истории шаг очевидно дестабилизировал обстановку в стране, что привело к гражданской войне, имевшей место в 20-е годы IX века. Серьезную угрозу для каганата представляли также печенеги, прорвавшиеся в степи нижнего Поднепровья в 30-е годы. К концу IX века очевидной стала угроза со стороны набирающей силу Днепровской Руси. В дальнейшем, походы русских дружин через территорию Хазарии неоднократно фиксируются письменными источниками.

Комплекс внутренних и внешнеполитических причин привел к ослаблению Хазарского каганата. В начале X века - это небольшое государственное образование, контролирующее доно-волжское междуречье в нижнем течении рек. Окончательно Хазария была разгромлена в 60-х годах десятого столетия. Традиционно это событие связывалось с именем киевского князя Святослава и датировалось 965 годом. Однако исследования последних десятилетий показали, что разгром хазарской столицы – Итиля – произошел тремя годами позже и связан с другой внешнеполитической акцией днепровских русов.

Салтово-маяцкая культура прекращает свое существование несколько раньше, нежели породивший ее Хазарский каганат – в начале X века. Традиционно ее гибель связывают с печенежским вторжением. Следует отметить, что если в степной полосе поселения, подвергшиеся разгрому, не редки, то в лесостепной зоне подобные случаи неизвестны. Очевидно, что финал культуры связан как с внешнеполитическими моментами, так и с ослаблением государственной власти.

I.I. История изучения памятников салтово-маяцкой культуры на территории Белгородской области

Началом изучения памятников Хазарского каганата можно считать 1900 год, когда учитель из с. Верхний Салтов В.А. Бабенко раскопал первые катакомбы на могильнике, давшем впоследствии имя первой части названия культуры. В следующем, 1901 году, известный русский археолог В.А. Городцов произвел раскопки на могильнике у х. Зливки Изюмского уезда Харьковской губернии. Уже в 1902 году в докладе, зачитанном на XII Археологическом съезде, А.М. Покровский датировал полученные В.А. Бабенко материалы последней четвертью первого тысячелетия н.э. и отметил кавказские параллели вещевого комплекса.

Первым памятником салтово-маяцкой культуры, выявленном на территории, входящей ныне в Белгородскую область, стало селище у с. Кузнецовка Валуйского уезда,

обнаруженное известным археологом Н.А. Макаренко в 1905 году. В 1925 году было выявлено селище у железнодорожной станции Нежеголь, открытое директором Изюмского музея Н.В. Сибилевым.

В 1926 у с. Подгоровка Валуйского уезда Воронежской губернии (ныне Вейделевский район Белгородской области) был обнаружен первый могильник салтово-маяцкой культуры. В Воронежский краеведческий музей поступили предметы, собранные крестьянами на разрушенном оврагами склоне. По сообщению местных жителей там же встречаются и кости человека. Сотрудниками музея С.Н. Замятниным и Д.В. Леоновым был произведен осмотр местности, показавший наличие могильника. В процессе спасательных раскопок было изучено 7 катакомб. К сожалению, во время Великой Отечественной Войны коллекция вещей была утрачена. Памятник был дважды опубликован: в 1961 году – И.И. Ляпушкиным (Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА №104. 1961 г) и в 1962 году – С.А. Плетневой (СА №3, 1962).

В 1930 году валуйским краеведом Г.Ф. Денисенко был открыт катакомбный могильник у с. Ютановка (ныне Волоконовский район).

Начало планомерного исследования раннесредневековых памятников на территории Белгородской области приходится уже на послевоенное время. В 1948 году руководимым И.И. Ляпушкиным отрядом был выявлен ряд памятников по рекам Северский Донец и Короча. В числе прочих были обнаружены селище и могильник у с. Дмитриевка Шебекинского района. В 1958 году харьковский археолог Б.А. Шрамко выявил и частично раскопал городище и селище у с. Большое Городище Шебекинского района.

Начало интенсивных разведочных и раскопочных работ на памятниках раннего средневековья нашей области связано с именем сотрудника Института археологии АН СССР (впоследствии ведущего хазароведа страны) - С.А. Плетневой. В результате были выявлены десятки памятников салтово-

маяцкой культуры на реках Оскол, Тихая Сосна, Ураева, Валуй, Черная Калитва. В 1958-1973 гг. велись исследования на комплексе археологических памятников у с. Дмитриевка Шебекинского района. Были изучены укрепления городища, раскопано 2300 кв. м селища, на катакомбном могильнике расчищено около 200 объектов. Результаты исследования опубликованы в монографии «На хазаро-славянском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс» М., 1989. Кроме того, разработанная на материалах памятника типология и хронология предметов является на сегодняшний день основной для салтово-маяцкой культуры.

В начале 1970-х годов активную исследовательскую деятельность начинает волоконовский краевед, учитель истории Волоконовской средней школы А.Г. Николаенко. Усилиями созданной им из школьников краеведческой группы «Алан» количество известных археологических памятников салтово-маяцкой культуры в Поосколье существенно увеличилось. Кроме того, в 1973 году раскопкам был подвергнут ямный могильник у райцентра Волоконовка (Плетнева С.А. Николаенко А.Г. Волоконовский древнеболгарский могильник. СА №3 1976). В 1976-77 году изучались погребения Нижнелубянского катакомбного могильника. Особое внимание А.Г. Николаенко уделял исследованиям памятников производственной деятельности. В результате многолетних раскопок был изучен крупнейший, в пределах распространения салтово-маяцкой культуры, производственный район по выработке железа (II пункт древней металлургии у с. Ютановка). Был раскопан ряд гончарных мастерских и горнов для обжига керамики.

В конце 1970-х – начале 1980-х годов археологические работы на территории области проводил Оскольский отряд Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции под руководством сотрудника Института археологии АН СССР Г.Е. Афанасьева. Разведками были охвачены долины рек Оскол, Тихая Сосна, Ураева. В 1979-1980 гг. раскопкам подвергались Ютановский, Нижнелубянский и Афоньевский катакомбные

могильники, селище Ютановка-1. Кроме того, были изучены укрепления целого ряда салтово-маяцких городищ, что позволило Г.Е.Афанасьеву сделать выводы о системе обороны салтовской земли. Результаты исследований были опубликованы в монографии «Население лесостепной зоны Среднего Дона в VIII-X вв.» АОН вып. 2. М., 1987.

С начала 2000 годов исследования памятников салтово-маяцкой культуры на территории области проводит Раннесредневековая экспедиция Белгородского государственного университета под руководством В.А. Сарапулкина. В 2000-2003 годах раскопкам подвергся ямный могильник у с. Мандрово Валуйского района (Винников А.З. Сарапулкин В.А. Болгары в Поосколье. Мандровский могильник. Воронеж, 2008), в 2004-2007 годах работы велись на ямном могильнике у с. Ржевка Шебекинского района. Кроме того, небольшие раскопки проводились на ямных могильниках у с. Терехово, Утиное, Рождествено Валуйского района, Дмитриевском катакомбном могильнике, Подгоровском катакомбном могильнике, Архангельском и Дмитриевском селищах, селище-1 у х. Шпенгарев.

Таким образом, за более чем столетнюю историю изучения памятников салтово-маяцкой культуры на территории Белгородской области выявлено более сотни поселений и могильников. Раскопкам подвергались пять катакомбных, шесть ямных могильников, семь неукрепленных поселений, 7 городищ.

I.I. Характеристика памятников салтово-маяцкой культуры на территории Белгородской области

Наиболее распространенным видом археологических памятников являются неукрепленные поселения. Для лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры это селища и стойбища. Различия между ними, как правило, определяются исходя из плотности концентрации подъемного материала, собранного на их поверхности. Если на небольшой площади (1000 кв. м) собрано несколько десятков фрагментов

керамики, то памятник признается селищем – то есть долговременным поселением. Если материала мало (до десятка фрагментов), то поселение считается стойбищем или кочевьем – то есть кратковременной стоянкой. Конечно, данный способ определения продолжительности существования поселения имеет определенные недостатки – он применим лишь к участкам местности, лишенным растительного покрова, он не учитывает стратиграфию (возможно культурный слой перекрыт поздними напластованиями, а собранная на поверхности керамика – единичные фрагменты, вынесенные землеройными животными). Кроме того, значительное количество памятников попадает в промежуточную категорию – подъемного материала слишком много для стойбища, но мало для селища. Однако единственный способ проверки – крупномасштабные раскопки большого количества памятников по объективным причинам невозможен. Поэтому, при определении продолжительности существования поселения, наиболее логично пользоваться формальными признаками – более 1 фрагмента на 50 м площади – селище, менее – стоянка.

Селища и стойбища

Общим местом для салтово-маяцких бытовых памятников является их тяготение к речным долинам. В отличие от скифских городищ и черняховских поселений они никогда не встречаются на балках. Как известно, селища и стойбища, в большинстве своем, не имеют надземных признаков, поэтому различия между ними лежат в их расположении на местности – топографии. Наибольшее количество селищ занимают первую надпойменную террасу, то есть, расположены недалеко от воды, но в то же время не затапливаются во время сезонных паводков. Гораздо меньшее количество поселений располагается на коренном берегу речной долины. Отделенные от русла реки крутым склоном высотой 10-80 м, поселки должны были испытывать трудности со снабжением водой. Подобные селища, в большинстве своем, расположены рядом с действующими или древними городищами.

Стойбища так же могут занимать первую надпойменную террасу. Однако большинство из них тяготеет к пойме. Практически никогда салтово-маяцкие стойбища не располагаются на коренных берегах.

Подобное расположение памятников объясняется бытовыми и хозяйственными причинами. Первая надпойменная терраса всегда была наиболее предпочтительным местом для заселения. Современные села также, в большинстве своем, располагаются именно на этих территориях. Отсутствие селищ в поймах также вполне объяснимо – постоянные подтопления делают их непригодными для проживания. При этом богатые природные ресурсы заливных лугов – прежде всего пастбища притягивают скотоводов в летне-осенний период. Кроме того, пойменные леса и плавни являются местами скопления диких животных и птиц, а русла рек и пойменные озера богаты рыбой, что позволяет допустить интерпретацию некоторых стойбищ как стоянок охотников и рыболовов. Несколько сложнее объясняется расположение селищ на крутых коренных берегах речных долин. Традиционно подобная топография связывается с военной опасностью. Это предположение, применительно к памятникам салтово-маяцкой культуры, подтверждается близким расположением городищ. Однако на момент появления селищ некоторые городища были заброшены более 1000 лет назад (Архангельское, Большое Городище). Их фортификационные возможности, не впечатлявшие даже на момент сооружения, к хазарскому времени были равны нулю. Собственно, размеры валов и рвов, крутизна склонов практически не отличались от их современного состояния.

Городища

На территории Белгородской области на сегодняшний день известно 7 городищ салтово-маяцкой культуры (Рис. 3). Исходя из конструктивных особенностей, их можно разделить на два типа. К первому относятся крепости, имеющие деревянно-земляные укрепления. Это городища Ютановка, Поминово и Дмитриевка. Все они занимают высокие, трудно-

доступные мысы коренных берегов речных долин. Ютановское городище имеет две линии обороны, отрезающих мыс с напольной стороны. Первая (со стороны поля), более поздняя, перекрывает постройку салтово-маяцкого селища. Линия состояла изо рва и вала с деревянной облицовкой внешней стороны. Вторая, ранняя линия, имела вал, основу которого составляли деревянные клети, наполненные землей, и ров. Примечательно, что расстояние между линиями составляло 26 м, что находится в пределах дальности прицельного выстрела из лука. Близкие расстояния разделяли башни многих крепостей средневековой Европы. Городище Поминово имело одну линию обороны, состоявшую изо рва с крутыми стенками и вала, в основе конструкции которого также находились клети. При сооружении укреплений Дмитриевского городища строители отчасти использовали сооружения скифской эпохи. Две из трех линий обороны были заложены еще в раннем железном веке. В хазарское время их досыпали, облицевали вал последней линии обороны камнем. Кроме того, была укреплена пологая сторона мыса – здесь также был насыпан вал. В отличие от Ютановского и Поминовского городищ, при сооружении валов Дмитриевки дерево практически не использовалось – внешнюю деревянную опалубку имел лишь боковой вал.

Второй тип представлен прямоугольными крепостями с кирпичными, либо каменными стенами – Красное, Алексеевское, Колтуновское и Мухоудеровское городища. Строители словно игнорировали необходимость использования оборонительных возможностей местности. Расположенные на коренных берегах рек, в отличие от городищ первого типа, городища второго типа не тяготеют к мысам. Конструкция стен городищ второго типа различна. Стены Красного городища целиком сложены из сырцового кирпича. При этом только внешний и внутренние панцири сложены на растворе, внутренние же ряды клались насухо, после чего заливались известковым раствором.

На Алексеевском городище зафиксировано два вариан-

та конструкции стен. Южная стена представляла собой дубовые клети, забитые глиной и облицованные низкосортным сырцовым кирпичом, положенным на глиняном растворе. Восточная стена целиком сложена из пахсовых блоков. Планировка городища выделяется наличием стены, разделяющей его на две части.

Колтуновское городище было сложено из сырцового кирпича и облицовано меловыми блоками. В площади городища располагалось скопление фрагментов меловых блоков и рваного кремня. Там же были выявлены кости человека рассеянные на площади в 10 кв. м. Мухоудеровское городище также имело стены из необожженного кирпича.

Все городища четырехугольные, имеющие небольшую площадь (1-2 га), Стены невысокие (до 1,6 м). Лишь южная стена Алексеевского городища достигала высоты 3 м. Примечательно, что поверх стен Красного и Колтуновского городищ располагался мощный слой почвы. Учитывая, что естественные почвообразовательные процессы на каменистой основе сильно замедляются, это выглядит весьма странно.

К числу городищ салтово-маяцкой культуры, видимо, относятся и укрепления в селе Стрелецкое Красногвардейского района. Источники XVII века отмечают присутствие на данной территории древних укреплений. Г.Е. Афанасьевым здесь была собрана керамика салтово-маяцкой культуры.

Интерпретация городищ первой группы не вызывает особых затруднений, аналогии им есть во многих культурах раннего железного века и средневековья. Как правило, подобные укрепления сооружались общиной для защиты от внешней угрозы. Налицо стремление минимизировать трудозатраты при достижении максимального эффекта: всестороннее использование оборонительных возможностей местности, применение доступных и легких в обработке материалов. Укрепления городища не только служили убежищем, но и перекрывали часть селища. Обращает на себя внимание, что дополнительные линии обороны на Ютановском и Дмитриевском городищах строились на уже существовавших поселениях.

Сооружения городищ второй группы требовало гораздо больших трудозатрат, очевиден общий замысел, проявившийся как в одинаковой форме крепостей, так и в концентрации их на сравнительно небольшом участке. Единственной силой, способной осуществить столь масштабное строительство, является государство.

При этом далеко не очевидно назначение данных объектов. Несмотря на использование дорогостоящих материалов, эти крепости не выглядят неприступными. Отсутствие башен усложняет фланговый обстрел, невысокие стены преодолимы для противника, даже неоснащенного штурмовыми лестницами. Собственно использование камня и камнеподобных материалов для строительства фортификационных сооружений крайне нетипично для донской лесостепи. Это фактически единственный случай подобного рода. Не согласуется с задачами обороны и месторасположение крепостей. Казалось бы, крепость должна контролировать важные коммуникации – водные артерии, броды, дороги. Колтуновское и Мухоудеровское городища расположены над заболоченной поймой Тихой Сосны напротив непроходимого для крупных воинских масс Иловского леса. Источники XVII века не фиксируют напротив салтовских крепостей бродов и татарских шляхов. Можно допустить, что крепости контролировали водную артерию, однако Тихая Сосна не является магистральным торговым путем. Возможно, строительство крепостей было демонстрацией, цель которой – показать могущество государства и промаркировать границу. В средние века строительство крепости на спорной территории означало фактическое ее отторжение. Однако здесь возникает вопрос о противнике. Кто мог угрожать Хазарскому каганату из-за Тихой Сосны? Археологических памятников последней четверти первого тысячелетия на данной территории не прослежено – памятники роменской культуры – западнее, боршевской – восточнее. Среди противников каганата – набирающая силу Русь, которая должна угрожать с запада и печенеги, нападающие с юго-запада.

В целом, строительство крепостей по Тихой Сосне выглядит амбициозным, но не завершенным государственным проектом с неясными целями.

Заканчивая разговор о городищах, обратим внимание на тот факт, что ни крепости, ни селища не несут в своих отложениях следов боевых действий – многочисленных наконечников стрел, пожарищ, массовых захоронений, совершенных в спешке.

Постройки

Общее количество построек, выявленных на памятниках салтово-маяцкой культуры на территории Белгородской области, невелико – оно немногим превышает три десятка. Происходят они с трех памятников – Дмитриевское и Архангельское селища, Ютановское городище. Постройки, имевшие отопительное устройство, считаются жилыми, не имевшие – хозяйственными. Практически все постройки в той или иной степени углублены в грунт. Исходя из формы, все сооружения могут быть поделены на прямоугольные и круглые. Конструкция стен может быть частично прослежена, исходя из наличия либо отсутствия столбов. По мнению исследователей, стены построек со столбовыми ямками были каркасно-столбовыми, без столбовых ямок – срубными. Большинство жилищ отапливались очагами – обычными кострищами, расположенными в центре постройки, либо у стены. Редко очаг окружался небольшим валиком из глины. Другим видом отопительного устройства была глинобитная печь, всегда располагавшаяся в углу, либо у стены.

В полу ряда построек, в одном из углов, прослежены хозяйственные ямы. К числу элементов интерьера, относятся вырубленные из материкового останца лежанки. У нескольких построек Ютановского селища имелся углубленный в землю вход-тамбур.

По мнению С.А. Плетневой, характерной чертой домостроительной традиции лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры является пестрота элементов, сочетающихся в самых разных вариантах. Это свидетельствует о

том, что традиция находилась на стадии формирования.

Истоки салтово-маяцкого домостроительства первоначально искали в инокультурной среде, в частности, в славянском мире. Однако, по справедливому замечанию Г.Е. Афанасьева, сооружение углубленных в землю прямоугольных жилищ – явление транскультурное. Углубление в грунт было вызвано желанием утеплить жилище, прямоугольная форма является наиболее удобной при конструировании стен в срубной и каркасно-столбовой технике.

Если прямоугольные полуземлянки характерны для многих культур, то углубленные круглые постройки выглядят весьма своеобразно. Истоки данной формы жилища ищут в традициях кочевых племен, проживавших в круглых юртах. Действительно, в этнографии известны случаи, когда кочевники, сооружая постоянное жилище, стремились сохранить круглую форму постройки, несмотря на то, что материал (дерево) и конструкция стен (сруб) более располагают к постройке прямоугольного сооружения. Возможно, круглые полуземлянки являлись жилищами кочевников, осевших на землю, но стремившихся сохранить старые традиции.

Погребальные памятники.

Для салтово-маяцкой культуры характерна поливариантность погребального обряда. На ее территории известны катакомбные и ямные могильники, могильники с кремациями, а также биритуальные (кремация и ингумация). К хазарскому времени также относятся захоронения, совершенные под курганами с квадратными ровиками.

На территории Белгородской области известны катакомбные и ямные могильники (Рис. 4).

Катакомбные могильники

Из пяти катакомбных могильников салтово-маяцкой культуры – три – Ютановский, Нижнелубянский и Афоньевский – расположены в долине Оскола, по одному – Дмитриевский и Подгоровский – на рр. Короча и Ураева.

Топография расположения могильников схожа: они за-

нимают довольно крутые склоны правых берегов рек. Примечательно, что на территории донской лесостепи это единственные памятники археологии, занимающие данные участки местности. Основным типом погребального сооружения является катакомба – входной коридор (дромос) расположен вдоль склона, в результате чего ближний к камере конец может быть углублен в землю на 3 и более метров. Иногда длина дромоса превышает четыре метра. Некоторые дромосы имеют вырубленные ступеньки, облегчавшие спуск к камере.

Камера расположена перпендикулярно дромосу, образуя вместе с ним Т-образное сооружение. Форма ее овальная, либо четырехугольная, потолок сводчатый (Рис. 5 - 1) . Примечательно, что даже по прошествии более чем 1000 лет, своды камер, в подавляющем большинстве, сохранились. Это связано как с устойчивостью сводчатой конструкции, так и с выбором грунта для сооружения катакомб – плотного суглинка.

Дромос и камеру соединял лаз, его размеры редко превышали 40 см, лаз имел прямоугольную либо арочную форму. В нетронутых катакомбах лаз был закрыт деревянными плахами либо плоским камнем.

Количество погребенных в камере в среднем колеблется от одного до четырех человек. Все они, как правило, расположены перпендикулярно дромосу.

Позы погребенных определялись полом покойного: мужчины всегда лежат вытянуто на спине, женщины – скорчено на боку. Исключение составляют катакомбы Ютановского могильника, где все погребения вытянутые. Руки скорченных погребений расположены в самых разных позициях – кисти могут быть сложены на животе, подведены к лицу, одна рука может быть выпрямлена. У вытянутых погребений иногда ноги скрещены в голенях, что рассматривается как результат связывания покойного.

Значительное количество костяков показывает нарушение анатомического порядка. Первоначально это связы-

валось с ограблением могил, однако, наличие ценных предметов исключает позднейшее проникновение в катакомбу с целью ограбления. На сегодняшний день господствующей является точка зрения В.С. Флерова, связывающая это явление с ритуальным обезвреживанием покойного. По его мнению, страх перед мертвыми заставлял родственников покойного разрушать его скелет, извлекать отдельные кости. В то же время, нельзя не обратить внимания на то, что часть костяков разрушена в процессе позднейшего захоронения. Свидетельством тому является тот факт, что расположенные у дальней стенки скелета гораздо чаще разрушены, нежели расположенные у входа. Нельзя отрицать и роль землеройных и норных животных в перемещении костей. Так, в катакомбах Дмитриевки были прослежены норы диаметром до 40 см, очевидно, лисьи. Такое крупное животное как лисица, обустроив в катакомбе логово, вполне могло нанести серьезный ущерб целостности скелета. Эти соображения не ставят под сомнения факт повторного проникновения в могилу – его следы прослежены в заполнении многих дромосов, однако страх перед покойным как главный мотив разрушения вызывает некоторые сомнения. Этнографические источники свидетельствуют: по представлениям большинства народов вредить живым после смерти способны лишь немногие покойники – это либо колдуны, либо умершие неправильной смертью. Процент подобных людей невелик, тогда как на некоторых памятниках разрушению подвергнуто более половины катакомб. Мотивы, двигавшие людьми эпохи средневековья на основании данных археологии установить чрезвычайно трудно. Погребения могли разрушить с целью осквернения представители враждебного рода, этому есть масса этнографических свидетельств, родственники могли таким образом помочь душе покойного расстаться с телом и т.д.

В катакомбах салтово-маяцкой культуры погребенные часто лежат на слое древесного угля, этот факт С.А. Плетнева рассматривала как свидетельство ритуала посмертного брака. Умершему воину клали в могилу намерено умерщвлен-

ную женщину, которая на том свете должна была стать его женой. Против данной трактовки свидетельствует наличие одиночных погребений на угольной подсыпке. Скорее всего, уголь выполнял традиционную для себя функцию – символизировал огонь, призванный очистить умерших. Кроме угля в качестве подстилки иногда выступал войлок, камыш, деревянные плахи.

Погребения в катакомбах сопровождались напутственной пищей, предметами быта, украшениями, оружием. Жидкую пищу помещали в сосуды. Сосуды ставились в дромос (на Ютановском могильнике подобной традиции не прослежено) и в камеру. Мясная пища сохранилась в виде костей животных, кроме того, в погребениях находят яичную скорлупу.

Инвентарь катакомбных погребений весьма разнообразен, количество предметов велико. Мужские погребения часто сопровождались оружием – небольшим топором на длинной ручке, реже в катакомбах встречаются наконечники стрел, мечи. Очень редки наконечники копий. Принадлежностью мужских погребений являются элементы конской упряжи – удила, стремена, оковка седел. Они могли располагаться как вместе с покойным, так и в вырубленных в стенках дромоса тайничках. Ножи, являвшиеся, скорее всего, предметами быта, подвешивались на поясе. Значимым атрибутам воинских погребений являются пояса, украшенные бляшками. По мнению С.А. Плетневой, богатство пояса свидетельствовало о воинских заслугах погребенного. Иногда в состав мужских захоронений входили бусы – они лежали плотной группой в районе груди или пояса покойного. В данном случае бусы являлись не частью ожерелья, а эквивалентом мелкой монеты.

Женские погребения сопровождались украшениями, туалетными принадлежностями, амулетами, предметами быта. На пальцах рук располагались перстни, на запястьях – браслеты, в районе головы – серьги. Многочисленные бусы формировали сложные ожерелья. Туалетные принадлежности включали в себя крупные зеркала, пинцеты, туалетные ки-

сточки, копоушки. В женских погребениях часто встречаются бубенчики, которые могли использоваться одновременно в качестве пуговиц и амулетов, отпугивающих звоном вредоносных духов. Среди женских бытовых предметов следуют выделить пряслица, пружинные ножницы, игольницы.

И мужские и женские погребения сопровождались элементами одежды: пуговицами и фибулами. Частой находкой являются мотыжки – инструменты для копки земли.

Естественно, количество инвентаря неодинаково во всех катакомбах. Есть бедные погребения (чаще всего это захоронения детей), есть погребения, выделяющиеся богатством. Стоит отметить, что, несмотря на подобные колебания, погребения салтово-маяцкой культуры в среднем сопровождаются наибольшим, в сравнении с другими культурами, количеством инвентаря. Соперничать с ними в этом показателе могут лишь скифские курганы, однако они, как известно, содержат элитные захоронения, тогда как салтовские некрополи - это общинные кладбища, содержащие погребения всех членов коллектива.

Погребальный обряд катакомбных могильников салтово-маяцкой культуры выглядит достаточно единообразным, тем не менее, некоторые его особенности позволяют разделить данный вид памятников на две группы. К первой относятся Дмитриевский, Нижнелубянский и Подгоровский могильники. Для этой группы характерно скорченное положение женских костяков, наличие сосудов в дромосах, преобладание камер овальной формы. Ко второй группе относится Ютановский могильник, где все покойные, независимо от пола, лежат вытянуто, сосудов в дромосах нет, камеры тяготеют к прямоугольной форме. Некоторые отличия прослеживаются и в типах погребального инвентаря, однако если этот факт можно объяснить разной хронологией памятников, то остальные нельзя. Дело в том, что некрополи функционировали продолжительное время, при сравнительно небольшом сроке существования салтово-маяцкой культуры это должно было привести к присутствию в пределах одного памятника

ранних и поздних захоронений. Если бы перечисленные особенности носили хронологический характер, то погребения, типичные для могильников двух типов, встречались бы в пределах одного некрополя. Отметим, что типологически катакомбам Ютановки близки погребения Верхнесалтовского, и, отчасти, Старосалтовского и Рубежанского могильников.

Помимо самих катакомб, в площади могильников встречаются и другие объекты, часть из них носит погребальный характер, часть связана с поминальными ритуалами.

К погребальным комплексам относятся захоронения в ямах и кремации. Ямные погребения катакомбных могильников чрезвычайно разнообразны. Здесь встречаются сильно скорченные погребения в узких ямах, вытянутые захоронения в колодах, вытянутые и скорченные погребения с инвентарем, захоронения в подбоях.

Есть две точки зрения на этническую принадлежность данных погребений. Согласно первой – это погребения болгар, проживавших на болгарских поселениях; согласно второй – это аланы, особый характер захоронения которых связан с социальным статусом либо другими обстоятельствами. Как ни парадоксально звучит, обе они верны. Часть погребений действительно повторяют болгарский обряд погребения, другая часть отличается от катакомбных захоронений лишь типом погребальных сооружений.

Кремации известны лишь на Дмитриевском могильнике. Они имеют очень мало общего с салтовскими трупосожжениями. Прах покойных располагался в горшках пеньковского (другая точка зрения – колочинского) облика. При этом четкая локализация группы кремаций, отсутствие случаев наложения кремаций на катакомбы, однозначно свидетельствует о синхронности их салтовским погребениям. Видимо, погребения оставлены группой населения пеньковской культуры, благодаря окраинному положению сумевшей пережить события VII века, приведшие к гибели культуры в целом.

К непогребальным объектам катакомбных могильников следует отнести тризны и захоронения животных. Тризнами

принято считать остатки поминальной трапезы, присутствующие в слое могильника в виде скопления костей животных или сосудов, либо сочетающих первое и второе. Тризны выявлены на Дмитриевском и Нижнелубянском могильнике, на Ютановском и Подгоровском они отсутствовали. При этом, если для Подгоровки это можно объяснить небольшой изученной площадью, то для Ютановки подобное объяснение непригодно.

Захоронения животных в слоях катакомбных могильников – это, в основном, погребения лошадей. Целый костяк лошади помещался в узкую прямоугольную яму. Лошадь лежала на животе, подогнув ноги под себя. Иногда коней хоронили взнузданными. Иногда костяки коней помещали в дромосе.

Ямные могильники

На территории Белгородской области известно 7 ямных могильников салтово-маяцкой культуры: Волоконовский, Утиновский и Тереховский могильники расположены в долине Оскола, Мандровский и Рожденственский – на Валуе, Тишанский – в верхнем течении р. Волчьей и Ржевский – на Нежеголи.

Следует отметить, что степень изученности памятников различна: значительное количество погребений выявлено на Ржевском, Мандровском и Волоконовском могильниках, на остальных раскопано от двух до 7 погребений.

Погребальный обряд данных памятников имеет ряд схожих черт – покойные располагались вытянуто на спине в яме прямоугольной, со скругленными углами, формы, преимущественно головой на запад. Некоторое сходство демонстрирует набор погребального инвентаря – керамические сосуды, железные ножи, элементы поясной гарнитуры, украшения.

Рассмотрим погребальный обряд наиболее изученных памятников – Ржевского и Мандровского могильников.

Погребения Ржевки совершены в прямоугольных ямах больших размеров, длина некоторых из них превышает 3 метра. Покойные располагались в гробах, сделанных из де-

ревянных плах и не имевших дна. Два погребения могильника оказались кенотафами. Обращает на себя внимание малое количество погребений, содержавших мясную (кости животных) пищу. При этом сосуды, напротив, сопровождают большинство захоронений, они располагаются как рядом с головой покойного, так и у его ног. Погребальный инвентарь представлен значительным количеством предметов. Большинство мужских погребений сопровождалось наконечниками копий, встречаются также наконечники стрел, боевые топоры, сабли, кистени. Многие воинские погребения содержали комплект воинской упряжи – удила и стремена. Примечательно, что поясные наборы далеко не всегда встречены в погребениях, сопровождавшихся наибольшим количеством оружия. В двух случаях пояса и вовсе обнаружены в погребениях подростков. Среди бытовых предметов, встреченных в мужских захоронениях, отметим ножи, располагавшиеся справа, и кресала, лежавшие у левого бедра погребенных.

Женские погребения содержали украшения – серьги, перстни и бусы. Примечательно довольно большое количество золотых серег. Типичной находкой в женских погребениях являются пряслица. Редкой находкой для памятников салтово-маяцкой культуры являются монеты. На могильнике было прослежено три комплекса, содержавших арабские дирхемы. У двоих погребенных монеты лежали во рту, в третьем погребении – кенотафе – дирхем находился там, где должна располагаться голова умершего. Две монеты были прочитаны – они отчеканены в 772 и 785 годах н.э.

Наиболее яркой чертой погребального обряда Ржевского могильника является помещение в могилу черепа и костей ног лошадей и коров. Череп и кости ног животного лежали в восточной части ямы, в одном случае были прослежены кости хвоста лошади, что говорит о помещении в погребение шкуры животного. Лошадь сопровождала исключительно мужские захоронения, корова – женские (Рис. 5 – 4-5).

Погребальный обряд Мандровского могильника несколько отличается от вышеописанного. Размеры ям сравнитель-

но небольшие – до 2,3 м в длину. Большинство из них имеет конструкцию, усложненную ступеньками, вырубленными в одной или двух длинных стенках (заплечики). В коротких стенках иногда вырубались подбои-ниши. Частой находкой являются остатки мясной пищи, как правило, рядом с костями животного лежал нож. В отличие от погребений Ржевского могильника, ножи располагались не на поясе погребенного, а рядом с головой, что позволяет рассматривать их не как универсальный бытовой инструмент, а как столовый прибор. У головы покойного помещались один, или, чаще, два сосуда. В ногах погребенных сосудов не выявлено. Погребальный инвентарь очень беден. Редко встречаются серьги, бусы. В четырех захоронениях прослежена конская упряжь – в комплект входило одно стремя, удила, подпружные пряжки (Рис. 5 – 2). В двух случаях всаднические погребения сопровождались элементами поясной гарнитуры.

На могильнике прослежены захоронения лошадей, располагавшиеся вне пределов погребений человека. В двух случаях череп и ноги лошади были обнаружены в верхних слоях могильника, в одном останки животного лежали в прямоугольной яме. Два захоронения сопровождались удилами.

В центральной части некрополя выявлена площадка (размерами примерно 4Х4 м) в пределах которой выявлено 5 сосудов. Примечательно, что комплексы занимали свободную от погребений площадь.

Таким образом, погребальный обряд Ржевского и Мандровского могильников имеет ряд характерных особенностей.

Для первого это большие размеры могильных ям, помещения покойного в гроб, значительное количество погребений с оружием, расположение сосудов в ногах погребенного, присутствие в погребениях черепа и костей ног лошади либо коровы. Мандровский могильник характеризуется небольшими (до 2,3 м длиной) могильными ямами, часто усложненными одним либо двумя заплечиками, небогатым погребальным инвентарем, который представлен керамическими сосудами, всегда располо-

женными рядом с головой погребенного, ножами, единичными экземплярами украшений. В районе головы погребенного часто расположены кости животного, являющиеся остатками заупокойной пищи. Лишь в некоторых погребениях Мандровского могильника прослежены элементы конской упряжи - как правило, в могилу помещалось одно стремя, удила и подпружные пряжки. Предметы вооружения в захоронениях могильников этой группы практически не встречаются.

Весьма близки по погребальному обряду Мандровскому могильнику Рождественский (Рис. 5 – 3), Утиновский и Тишанский могильник. Прямых аналогий погребениям Ржевки нет. Некоторое сходство, проявляющееся в присутствии гробов, расположении сосудов в ногах погребенного, составе керамики показывает Волоконовский могильник. Однако на нем нет ни воинских погребений, ни обычая помещения в могилу останков лошади. Интересные параллели с Ржевским могильником прослеживаются в одном из двух захоронений могильника у с. Терехово. В ногах покойного расположены череп и ноги козы, причем, как и в ряде Ржевских захоронений, они помещены в вырытую в дне могилы ямку.

Так или иначе, различия в погребальном обряде могильников позволяют говорить о присутствии минимум двух традиции, связанных с обычаем хоронить покойников в ямах.

Муравьевский клад

Уникальным для лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры является погребальный комплекс, расположенный у с. Столбище Волоконовского района, получивший в науке название «Муравьевский клад». В 1869 году крестьяне Иван и Филипп Чеботаревы из села Столбище разграбили курган. Находки они продали хозяйке имения Муравьевой за 50 рублей. Стало известно, что покойник лежал на слое древесного угля, сверху был посыпан белым порошком (в оригинале – известью), его сопровождали железные шлем, кольчуга и меч, золотые и серебряные поясные бляшки, колчанный крюк, золотая составная серьга, простые височные кольца, два золотых солида.

Предметы были преданы в Археологическую комиссию. Курган обследовался Н.Е. Макаренко в 1905 году и Г.Е. Афанасьевым в 1983 году. Н.Е. Макаренко обнаружил на вершине кургана грабительскую воронку.

Датировка погребения в целом ясна, монеты датируются 717-720 гг., оно практически не содержит типичных для второй половины VIII века вещей. Единственным предметом, типичным для салтово-маяцкой культуры, является серьга.

Уникален поясной набор погребения. Бляшки не имеют прямых аналогий. Их орнамент находит параллели в материалах Крыма и Кавказа. Кольчуга и шлем – единственные предметы подобного рода, найденные в VIII-X веках в донской лесостепи.

Подкурганный обряд погребения в сочетании с очень дорогими предметами и монетами позволяет интерпретировать данное погребение как элитное, принадлежавшее представителю знати или военному предводителю. К сожалению, обстоятельства выявления памятника не позволили точно зафиксировать погребальный обряд. Более того, возможно, часть предметов остались в земле. Отметим, что для салтово-маяцких памятников наличие элитных погребений не характерно.

I.III. Материальная культура памятников салтово-маяцкой культуры

Керамика

Как и для большинства культур, основной категорией находок на салтовских памятниках является керамика. Учитывая консерватизм, присущий данному виду производства, керамику можно считать вполне приемлемым этническим маркером. Кроме того, инокультурные влияния и торговые связи также находят отражение в этом виде археологических находок. Керамика, выявляемая на памятниках салтово-маяцкой культуры, четко делится на местную и привозную. Последняя резко отличается от собственно салтовской – и технологией производства, и формой. Вся импортная керамика изготов-

лена на круге быстрого вращения и обожжена в окислительной среде, что придает ее поверхности красный либо желтый цвет. Самым распространенным видом привозной керамики являлись амфоры – круглодонные сосуды, предназначенные для перевозки жидкостей в трюмах судов. Амфоры хазарского времени имеют яйцевидное желобчатое тулово, короткое узкое горло, две ручки (Рис. 6 – 1). Иногда тулово орнаментировано зональным прорезным линейным орнаментом. Другим типом импортной керамики являются кувшины-ойнохои – небольшие сосуды с яйцевидным туловом и коротким горлом, оснащенным носиком-сливом (Рис. 6 – 3). Иногда ойнохои расписывались несложным орнаментом, нанесенным охрой. Данный вид импортной керамики встречается гораздо реже, нежели амфоры. Еще более редким видом привозной посуды являются баклаги – круглые фляги с двумя ручками (Рис. 6 – 2). Они производились специально для продажи кочевникам. Иногда баклаги также расписывались охрой. Импортная красноглиняная и желтоглиняная керамика производилась в Северном Причерноморье. Керамическая традиция, связанная с ее изготовлением, уходит корнями в эпоху античности. Присутствие подобной керамики на памятниках лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры свидетельствует об оживленных торговых отношениях.

Собственно салтово-маяцкая керамика может быть поделена на кухонную и столовую. Отличия между этими группами лежат не только в функциональном назначении сосудов, но и в технологии изготовления.

Кухонная керамика делится на три вида.

К первому виду отнесены сосуды, изготовленные при помощи вращающейся подставки из теста, включавшего в себя крупные примеси. При этом состав примесей керамики памятников разных территориальных групп несколько отличается. Так, в Приосколье значительное число сосудов содержит примесь чернометаллургического шлака. Для памятников Северского Донца и Корочи основным видом примесей является шамот и, отчасти, дресва. Единственной фор-

мой сосудов первого вида является горшок. Он, как правило, имеет яйцевидное тулово (то есть высота немного превышает диаметр) короткий, слабо отогнутый венчик, срез которого в большинстве случаев уплощен (Рис. 6 - 4). Орнаментация поверхности включает в себя параллельные горизонтальные линии, прочерченные торцевой частью палочки. По сути дела, это имитация линейного орнамента круговых сосудов. Срез венчика в большинстве случаев орнаментировался насечкой, овальными вдавлениями, отпечатками зубчатого штампа. Обжигались сосуды очевидно в бытовых отопительных устройствах, либо в кострах. Качество сосудов сильно разнится. Тщательностью изготовления отличаются, как правило, небольшие горшки, предназначенные для варки пищи. Огромные горшки-зерновики, напротив, изготовлены крайне небрежно из плохо промешанного теста.

Ко второму виду отнесены сосуды, изготовленные на ручном гончарном круге, имеющие так называемый степной облик. Тесто сосудов имеет примесь кварцевого песка и, иногда, органики. Тулово сосудов шаровидное, дно небольшое. Венчик очень короткий и сильно отогнутый. Орнамент глубоко прорезанный, линейный или линейно-волнистый, нанесенный острозубым штампом (Рис. 6 – 5). Часто горшки второго вида имеют на дне клейма гончаров либо отпечатки оси гончарного круга. Сравнение отпечатков оси с днищ нескольких сосудов Мандровского и Рождественского могильников позволило сделать вывод о том, что они изготовлены на одном круге. Обжиг может быть как костровой, так и горновой.

Третий тип также включает в себя сосуды, изготовленные на ручном круге. Сходство с первым видом проявляется и в использовании в качестве примеси песка. При этом форма горшков третьего типа имеет ряд отличий от сосудов второго. Они проявляются в более широком дне, слабо отогнутом, часто уплощенным венчике, линейный орнамент нанесен неглубоко, плоскозубым штампом (Рис. 6 – 6). Обжиг кухонных горшков третьего вида горновой.

Кухонная посуда разных типов обнаруживает тяготение

к отдельным микрорегионам донской лесостепи. Горшки первого вида составляют основу керамического комплекса поселений Северского Донца, Корочи и Поосколья. Некоторое ее количество присутствует в культурных слоях селищ по р. Ураева, отдельные фрагменты встречаются на памятниках долины Тихой Сосны. Кухонные горшки «степного облика» превалируют в материалах ямных могильников типа Мандрово, а также в слоях селищ долины Ураевой. Отдельные сосуды присутствуют в катакомбах Дмитриевки и погребениях Ржевки. Третий вид характерен для памятников р. Тихая Сосна.

Очень небольшая часть кухонной керамики салтово-маяцкой культуры представлена лепными горшками. Технологически и морфологически они имеют мало общего с тремя перечисленными видами кухонных горшков. Тесто содержит примесь крупной органики и шамота, формовка и обработка поверхности небрежная, обжиг костровой, неравномерный. Тулово широкое, часто сосуды имеют высокое плечо. Венчик слабо отогнутый, закругленный.

Столовая керамика салтово-маяцкой культуры отличается высоким качеством изготовления. Тесто хорошо промешанное, часто без видимых примесей, поверхность тщательно заглажена. Большинство столовых сосудов покрыты лощением. Для салтово-маяцкой столовой посуды характерно разнообразие форм столовой керамики.

Наиболее распространенным видом керамики подобного рода являются кувшины. Их характеризует тулово с низко расположенным местом наибольшего расширения, узкое горло, зачастую оснащенное носиком-сливом, и одна ручка. Кувшины могут быть покрыты сплошным лощением, либо украшены пролощеным орнаментом (Рис. 6 - 7-8).

Вторым по частоте встречаемости целых форм видом столовой керамики являются кружки. По форме они сильно отличаются от современных и напоминают небольшие кувшинчики с сильно сплюснутым туловом и высоким широким горлом (Рис. 7 – 1-3). Кружки оснащались либо ручками в

виде петельки (Рис. 1 – 2-3), либо двойной, так называемой зооморфной, ручкой (Рис. 1 – 1). Последние, по мнению исследователей, изображали пасущуюся лошадь. Кружки покрывались сплошным лощением и никогда не орнаментировались.

Функционально близки кружкам кубышки с ручкой. Общим для них является раздутое тулово, с низко расположенным местом наибольшего расширения и небольшая петлевидная ручка, крепившаяся к тулову и горлу. Горло у кубышек с ручкой низкое, широкое (Рис. 6 – 9). Кубышки с ручкой часто покрывались пролощеным орнаментом.

Собственно кубышки – небольшие сосудики с широким туловом и коротким горлом – встречаются сравнительно редко. Они, в отличие от большинства столовых сосудов, не имели ручки (Рис. 7 – 4).

Еще одним видом столовой керамики являются горшки с ручкой. Они имеют шаровидное тулово, короткий раструбовидный венчик и маленькую ручку, верхний край которой всегда прикреплен к венчику (Рис. 7 – 5).

Часть столовых сосудов характеризуется крупными размерами: это пифосы с яйцевидным туловом и небольшими ручками (Рис. 7 – 7), шаровидные корчаги. Необычна форма так называемых пифосов-кувшинов. Шаровидное тулово венчает короткое узкое горло с носиком-сливом. К горлу и плечу сосудов прикреплена ручка, две другие ручки прикреплены к тулову.

В состав столовой керамики входит ряд сосудов редких форм. Таковыми являются двуручные кувшины, миски, горшки.

Технология изготовления столовых сосудов салтовского типа в свое время вызывала весьма оживленные споры. Причиной явилось противоречие высокого качества изготовления отсутствию следов формовки на гончарном круге. Собственно некоторые столовые сосуды, действительно частично лепились от руки. Кроме того, лощение скрывало следы гончарного круга. Сопоставление большого количе-

ства столовых сосудов показывает, что технологические отличия между ними очень велики. Крупные сосуды – пифосы, пифосы-кувшины – часто целиком изготовлены на гончарном круге, они редко покрывались сплошным лощением, чаще тулово украшалось пролощеным орнаментом. Кувшины, в большинстве своем, также несут следы гончарного круга. Наиболее примитивными выглядят кружки: их тулово часто неровное, ассиметричное, к тому же на дне кружек не встречается гончарных клейм, что свидетельствует в пользу ручной лепки. Тем не менее, у многих кружек, с внутренней стороны горла прослеживаются следы вращения.

Надо сказать, что частота встречаемости тех или иных видов столовой керамики в материалах отдельных памятников различна. Так, кружки и горшки с ручкой, занимая видное место в составе погребального инвентаря Дмитриевского и Нижнелубянского могильников, практически не встречаются в материалах могильников типа Мандрово. Присутствие подобных сосудов в керамике других ямных некрополей и Ютановского катакомбного могильника ограничивается единичными экземплярами. Объяснить это явление можно как особенностями керамической традиции, так и различиями в ритуальном использовании тех или иных видов сосудов.

Характеризуя керамическую традицию салтово-маяцкой культуры, следует отметить большое разнообразие технологий и форм. Вызвано оно не только полиэтничностью населения, но и разным уровнем развития керамического производства.

Так, изготовлением кухонных горшков первого типа занимались женщины, организация гончарства находилась на стадии домашнего производства (сродни ткачеству, шитью и т.д.). При этом именно керамика подобного рода в большей степени хранит традиции керамического производства. Вопрос о происхождении керамики данного вида поднимался в научной среде. Было высказано предположение о заимствовании технологии у славянских племен в результате смешанных браков. Действительно, толстостенная керамика

с крупными примесями является типичной для славянских культур, в то же время прямых аналогий салтовским сосудам в керамике славянских племен нет. Горшки синхронной салтово-маяцким памятникам роменской культуры имеют высокое плечо и стройные пропорции. Для более ранних пеньковских племен характерны горшки с яйцевидным туловом, более того, А.Г. Николаенко утверждал, что на пеньковских памятниках Поосколья основной примесью в тесте сосудов является шлак. Однако форма венчика и особенности орнаментации серьезно отличаются от салтовских. Кроме того, у салтово-маяцкой кухонной посуды крайне узкий ассортимент. Он представлен, по сути, одним видом – горшками, тогда как для славянских культур характерны диски и сковороды.

Говоря о происхождении салтово-маяцкой кухонной керамики первого вида, важно упомянуть одно обстоятельство. Все известные сосуды и их фрагменты украшены линейным и линейно-волнистым орнаментом, являющимся, как уже говорилось выше, подражанием орнаментации круговых горшков. Подобное явление прослежено и в лепной керамике роменской культуры, синхронной раннегончарной. При этом неизвестны находки кухонной салтовской керамики, технологически близкой посуде первого вида, но не имеющей подобного орнамента. То есть, создается впечатление, что керамическая традиция изготовления, по сути дела лепной керамики, формировалась, находясь под влиянием образцов круговых изделий. Подобная ситуация свидетельствует о ее малом возрасте. Возможно, проживая на Кавказе, аланы полностью перешли на использование круговой керамики. При переселении, в силу неизвестных причин, эта традиция была утрачена. В результате, переселенцам пришлось вновь учиться изготавливать керамику, заимствуя технологии соседних славянских племен и подражая, ставшим для них традиционными, гончарным образцам.

В отличие от горшков первого типа, сосуды второго и третьего изготавливались на гончарном круге в специализированных мастерских профессиональными или полупрофес-

сиональными ремесленниками. Использование гончарного круга во многом нивелировало особенности керамической традиции. Крупные фракции примесей, травмировавшие пальцы мастеров при быстром вращении исключались, заменяясь песком, унифицировался орнамент. Отмеченные особенности технологии и морфологии сосудов позволяют выявить районы распространения схожей керамики. Для горшков второго типа – это степное Подонцовье. На поселениях данного региона подобная керамика является наиболее распространенной. Учитывая, что наибольшая концентрация кухонных сосудов второго типа в лесостепной зоне приходится на пограничные со степью районы, можно предположить проникновение технологии непосредственно из степных гончарных центров.

Аналогии сосудам третьего вида прослеживаются в материалах Правобережного Цимлянского городища на Нижнем Дону. Схожая керамика встречается и на салтовских селищах Прикубанья.

Очевидно, что традиция изготовления круговой кухонной керамики в салтовское время была привнесена в донскую лесостепь из степного Подонья.

Происхождение и развитие столовой керамики выглядит более однозначным. Совершенно точно можно сказать, что она не имеет досалтовских корней в лесостепном регионе. Напротив, для северокавказских алан подобная керамика типична. Видимо традиция изготовления была привнесена с Кавказа.

Орудия труда

Наиболее частой находкой предметов данной категории являются ножи. Назначение их универсально. Форма чрезвычайно устойчива, клинок длиной от 8 до 20 см имеет в плане форму прямоугольного треугольника, где длинный катет – это обушок, а гипотенуза – лезвие (Рис. 8 – 12). Сечение лезвия – клиновидное. У большинства ножей лезвие отделено от рукояти небольшим порожком. Сама ручка была дере-

вянная и насаживалась на хвостовик. Ножны также изготавливались из дерева, конец ножен часто охватывался медным хомутом. Также в салтовских катакомбах нередко находят мотыжки – орудия с трапециевидным лезвием, крепившимся к рукояти при помощи разомкнутой втулки (Рис. 8 – 11). Следы мотыжек часто находят на стенках дромосов катакомб и построек, что позволяет его считать, прежде всего, орудием землекопа.

Остальные орудия труда малочисленны. В катакомбах иногда встречают крупные пружинные ножницы для стрижки овец (Рис. 8 – 13). Единичны находки небольших складных серпов (Рис. 8 – 6), причем встречаются они, как правило, в богатых воинских ямных погребениях. Так же известны находки кос-горбуш. К числу орудий труда следует отнести и пряслица, встречающиеся и в погребениях, и на бытовых памятниках. В подавляющем большинстве они изготовлены из стенок красноглиняных амфор или столовых сосудов. Редко встречаются лепные биконические пряслица.

Оружие и конская упряжь

В материалах лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры встречены все основные предметы наступательного вооружения хазарской эпохи. Оружие ближнего боя представлено топориками-чеканами, имевшими узкое лезвие, брусковидный либо цилиндрический обушок и длинную деревянную рукоять (Рис. 8 – 2). Часты находки наконечников копий, при этом преобладающим является тип с узким ромбическим в сечении лезвием (Рис. 8 – 3), гораздо реже встречаются наконечники с листовидным пером. Если топоры-чеканы характерны для катакомбных захоронений, то копья, как правило, встречаются в ямных погребениях. Как известно, наиболее престижным оружием у многих народов в эпоху средневековья был меч. Ценность предмета обусловила малое количество находок. В большинстве своем, это узкие легкие клинки, длиной 70-80 см, некоторые из них оснащены перекрестием (Рис. 8 – 1). Часть мечей имеет наклон рукоятки в сторону

лезвия, этот элемент призван улучшить режущие качества оружия. Заточка мечей односторонняя, реже двусторонняя. У некоторых клинков двусторонней была лишь заточка близкого к острию участка клинка, остальная часть оружия была однолезвийной. Редким оружием ближнего боя является кистень – небольшой железный или свинцовый шар. Находок однозначно боевого, короткоклинкового оружия, типа кинжала или боевого ножа, не прослежено.

Единственным оружием дистанционного боя, известным в материалах лесостепных салтовских памятников, являлся лук. Известно несколько случаев помещения в погребения данного оружия, сохраняющегося в виде костяных накладок, призванных усилить жесткость, тем самым увеличив мощность. Довольно часто встречаются наконечники стрел, они железные, треугольные в плане, трехлопастные черешковые (Рис. 8 – 4). Наконечники других типов известны в материалах салтово-маяцкой культуры, однако на памятниках, расположенных в пределах Белгородской области, не выявлены. Обращает на себя внимание полное отсутствие следов защитного вооружения. Обрывки кольчуг, встречающиеся в катакомбных захоронениях, являются зачастую фрагментами поясных сумок. Естественно, можно предположить, что имея технологию изготовления кольчужного материала, ремесленники использовали ее, прежде всего, для создания доспехов; сумки, видимо, являлись побочным производством. Очевидно, погребальный обряд не подразумевал защитного вооружения для воина, отправляющегося в загробный мир. К тому же, в эпоху средневековья металлические доспехи ценились очень дорого, и, видимо, передавались по наследству.

Конская упряжь хазарского времени включает в себя удила, стремена, подпружные пряжки, оковку седел. Удила двусоставные (Рис. 8 – 9-10), по бокам удил расположены псалии – прямые, либо S-овидно-изогнутые стержни, удерживавшие грызла в пасти лошади, псалии железные, в редких случаях деревянные. Стремена имели арочную форму, петля для крепления ремня выделена в виде лопатки (Рис. 8

– 7). Подножка иногда имела декоративные прорези в форме треугольников или кругов. Подпружные пряжки прямоугольные либо полукруглые (Рис. 8 – 8). Находки оковки седел свидетельствуют об использовании жестких седел с деревянной основой (Рис. 8 – 5). К числу украшений конской упряжи относятся круглые неорнаментированные фалары, крупные бубенчики, а также начельники – приспособления для крепления султана на голове лошади.

Украшения

В число украшений салтово-маяцкой культуры входят серьги, перстни, браслеты. Большинство изделий изготовлено из бронзы. Некоторая часть перстней и серег сделаны из серебра, небольшое количество серег золотые.

Серьги могут быть составными или литыми. Составные серьги включали в себя кольцо, крепившееся в ухе, и подвеску, состоявшую либо из нанизанных на проволоку серебряных шариков или бусин (Рис. 9 – 1), либо из сочетания шариков и металлической усеченно-конической трубочки (Рис. 9 2-3). Иногда между элементами подвески помещались колечки, выполненные в технике ложной зерни (Рис. 9 – 1). Литые серьги могли имитировать конструкцию составных (Рис. 9 – 4) или представляли собой кольцо с тремя припаянными треугольником шариками. Отличительной чертой большинства серег салтово-маяцкой культуры является шарик, закрепленный в верхней части кольца.

Перстни представлены простыми щитковыми экземплярами (Рис. 9 – 7) и предметами, имеющими стеклянную или каменную вставку (Рис. 9 – 5). Иногда на щитках перстней присутствует изображение (Рис. 9 – 6). Вставка закрепляется либо четырьмя лапками, либо помещается в круглом гнезде.

Браслеты в большинстве своем представляют собой круглую либо овальную в сечении проволоку, согнутую кольцом (Рис. 9 – 8). Окончания могут быть срезаны, либо заострены. В последнем случае, концы браслета часто украшались на-

сечкой. К отдельному типу относятся браслеты из скрученной в спираль проволоки (витые (Рис. 9 – 9)), их концы иногда закручивались в кольцо. Очень редко встречаются литые бронзовые браслеты с дисковидным выступом в середине (Рис. 9 – 10). Часть браслетов изготавливалась из железа. К числу украшений следует относить нашивные бляшки, украшавшие одежду. Они, в основном, круглые, часть из них является подражаниями византийским монетам – в этом случае они изготовлены из золотой фольги.

Предметы туалета

Известны в основном по материалам женских захоронений. Типичной находкой в салтовских катакомбах являются зеркала. Они достаточно крупные (6-7 см диаметром), отлиты из белой бронзы. На тыльной стороне расположен конус с отверстием (петля). В орнаментации зеркал преобладают зигзаги и концентрические круги (Рис. 10 – 17), кроме того, часть из них украшена девятилучевой розеткой, растительным орнаментом (Рис. 10 – 18). Туалетными принадлежностями, встречающимися как в ямных, так и в катакомбных погребениях, являются копоушки. Они представлены двумя видами. Копоушки первого вида представляют собой палочку, один конец которой оформлен в виде маленькой ложки (Рис. 9 – 12). Второй вид представляет собой плоскую фигурную ручку с отходящим от нее стержнем, имеющим на конце ложковидное углубление (Рис. 9 – 11).

К числу туалетных принадлежностей относятся также пинцеты, малые пружинные ножницы, коробочки для благовоний, туалетные кисточки.

Фурнитура

Включает в себя пуговицы и фибулы.

Пуговицы представлены тремя видами. К первому относятся бронзовые предметы шаровидной, либо эллипсовидной формы, оснащенные петлей для пришивания (Рис. 9 – 13). Предметы данного вида могут быть литыми или штампованными. Второй вид включает в себя бронзовые стержневидные предметы, имеющие один или несколько перехватов

(Рис. 9 – 15). К третьему типу отнесены перламутровые диски с отверстием для пришивания (Рис. 9 – 14). Фибулы (застежки для плаща) не получили широкого распространения. Они бронзовые либо железные, с широкой изогнутой спинкой.

Амулеты

Являются типичной находкой для женских катакомбных захоронений.

Первый вид амулетов связан с солярной символикой. Как правило, это кольцо с заключенными в него лучами (Рис. 9 – 20), вихревыми розетками (Рис. 9 – 19), фигурками грифонов. Особый вид кольцевидных оберегов представляют амулеты с расположенными по внешнему периметру птичьими (соколиными) головками (Рис. 9 – 18). К числу солярных амулетов относятся также изображения лошадей (Рис. 9 – 17) и парные протомы – смотрящие в разные стороны птичьи головки на длинной шее (Рис. 9 – 21). Все амулеты этого вида отлиты из бронзы.

Второй вид амулетов – когти, зубы и кости животных и их изображения. Представлены как натуральными костями, так и отлитыми из бронзы изображениями когтей (Рис. 9 – 16).

Кроме того, в качестве амулетов можно рассматривать лунницы – бронзовые или серебряные предметы в виде полукруга с отходящими вниз острыми выступами (Рис. 9 – 22), бубенчики (Рис. 10 – 15-16), малые (до 3 см в диаметре) зеркала. Примечательно, что если технология изготовления больших и малых зеркал схожа, то орнаменты, украшавшее их тыльные поверхности, практически не пересекаются.

Поясная гарнитура

Пояс, украшенный бляшками, являлся весьма распространенным элементом амуниции раннесредневекового воина. В материалах лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры поясная гарнитура занимает значительное место. Поясные пряжки, наконечники и бляшки отливались из бронзы, реже серебра, часть бляшек изготовлены в технике штамповки. Пряжки салтово-маяцкой культуры, как правило, имеют небольшие размеры (ширина 1,5 см, длина до 5 см). Их

отличительной чертой является рамка сердцевидной формы. Для большинства пряжек характерна неподвижная рамка, на позднем этапе появляются пряжки с подвижной рамкой. Пряжки отличаются друг от друга по форме щитка: он может быть пятиугольным с сужающимся либо расширяющимся основанием (Рис. 10 – 1), трапециевидным с фигурным окончанием, овальным. У части пряжек крепление ремня осуществлялось не к щитку, а к П-образной перекладине (Рис. 9 – 3). Отдельный вид представляют пряжки, состоящие из прямоугольной рамки с язычком.

Наконечники ремней имели, как правило, пятиугольную форму (Рис. 10 – 4-5), часть имеет на основании два выступа с отверстиями.

Бляшки представлены следующими видами: простые сердцевидные и фигурные (Рис. 10 – 6-7), прорезные (Рис. 10 – 8), бляшки с кольцом (Рис. 10 – 9-11).

Большинство элементов поясной гарнитуры орнаментировано. Господствующим видом орнамента в салтовскую эпоху был растительный, изображавший листья и стебли лотоса. По мнению исследователей, данный мотив был заимствован из Сасанидского Ирана и был впоследствии творчески переосмыслен салтовскими ремесленниками. Обращает на себя внимание то, что в процессе копирования и многократных отливок с копий некоторые образцы утратили четкость, была утеряна первоначальная идея. Поэтому часто орнамент на пряжках и бляшках выглядит как геометрический, хотя в основе его лежат растительные мотивы.

Штампованные бляшки в основном копируют форму и орнамент литых, однако, некоторая их часть имеет вполне оригинальный облик. Исходя из аналогий, можно связать их происхождение с влиянием позднеаварских образцов.

******

Таким образом, материальная культура салтово-маяцких памятников показывают весьма интересную ситуацию. С одной стороны, ей присущ крайний синкретизм, о чем гово-

рит керамическая традиция, домостроение, погребальный обряд, с другой, единый вещевой комплекс, не показывающий зависимости от географии памятников или этнической принадлежности населения.

I.IV. Хозяйство, военное дело, социальная организация, политическое устройство племен салтово-маяцкой культуры в донской лесостепи

Вопрос о хозяйственной основе существования населения салтово-маяцкой культуры осложняется крайней скудостью источников. Орудия труда очень редко встречаются в погребениях и культурных слоях поселений. Это отличает памятники лесостепной полосы от синхронных им степных памятников. Богатые коллекции орудий труда были получены при раскопках Правобережного Цимлянского городища, поселений среднего Подонцовья. Возможно, причина подобных отличий в следующем: эти памятники погибли в результате вражеского нападения, жители, естественно, не успели эвакуировать имущество, нападавшие, в свою очередь, не рассматривали орудия труда как трофей. Соответственно, многочисленные серпы, косы, наральники (наконечники пахотных орудий) и т.д. остались на месте, выпав в культурный слой либо заполнение построек. Лесостепные памятники нападениям не подвергались. Оставляя поселение, жители имели достаточно времени на сборы и необходимое количество транспортных средств. Все пригодные для использования предметы были увезены. То, что находят археологи при раскопках, это потерянные либо пришедшие в негодность и неподлежащие ремонту вещи.

Несмотря на скудость источников, рассмотрим отдельные вопросы организации хозяйства салтово-маяцкой лесостепи. Большинство бытовых памятников хазарского времени на нашей территории является постоянными поселками оседлого населения. Долговременные постройки и мощность слоя подтверждают это. Плотность населения (даже с учетом, того, что некоторые поселения разновременные) также была

достаточно велика. Прокормить такую массу населения может лишь хозяйство, основанное на растениеводстве. Придомное и пастушеское скотоводство, даже с учетом богатства кормовой базы, не может при подобной массе жителей покрыть потребности общества в пище. Косвенными свидетельствами развития растениеводства служит распространение колоколовидных хозяйственных ям (в других культурах подобные сооружения служили для хранения зерна), находки фрагментов жерновов. Состав выращиваемых культур, видимо, не сильно отличался от тех, что культивировались в степных районах Хазарского каганата: это твердая пшеница, ячмень, просо. Земля, очевидно, обрабатывалась плугом с железным наральником, урожай убирался серпами и косами-горбушами. Орудия данных видов широко представлены на памятниках степных вариантов салтово-маяцкой культуры.

Скотоводство, очевидно, носило придомный характер. Об этом говорит состав стада, включавший в себя значительное количество крупного рогатого скота и свиней. Помимо этих видов разводили овец, коз, лошадей.

Остеологический материал показывает наличие костей диких животных. Их небольшое количество (около 3%) позволяет считать охоту вспомогательным промыслом.

Примечательно, что на лесостепных памятниках салтово-маяцкой культуры практически отсутствуют следы рыболовства. Нет ни рыболовных крючьев, ни грузил сетей, не встречена чешуя рыб. Отчасти, это можно объяснить маловодностью рек, протекающих по территории Белгородской области, что обусловило бедность водных ресурсов.

Таким образом, население долговременных поселений лесостепной зоны салтово-маяцкой культуры вело комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство, при этом, присваивающие формы не играли значительной роли.

Некоторые вопросы возникают относительно хозяйственной деятельности племен, оставивших ямные могильники. Дело в том, что поблизости от ямных некрополей не обнаружено поселений салтово-маяцкой культуры. Это позволяет предположить

достаточно подвижный образ жизни, сопряженный с ведением кочевого или полукочевого хозяйства. При этом формирование обширных некрополей требует длительного пребывания населения на одном месте. Решение данной проблемы имеет несколько вариантов. Во-первых, недостаточная изученность территории позволяет предположить наличие еще не выявленных селищ, где и проживало население, оставившее могильник; во-вторых, могильники можно считать сезонными, т.е. оставленными кочевниками в местах зимовий. Этому тезису противоречит присутствие погребений как с зимними (южными), так и с летними (северными) отклонениями в ориентировке.

Ремесло

Вещевой комплекс могильников и поселений свидетельствует о присутствии кузнечного, бронзолитейного, гончарного и др. ремесел. Следы производственной деятельности, выявленные археологическими исследованиями, связаны лишь с некоторыми из них. Обработка черного металла фиксируется по значительному количеству памятников, на поверхности которых встречаются скопления шлака. Как правило, они расположены в пойме, вблизи залежей болотных и луговых руд. Раскопками изучен подобный памятник, расположенный близ села Ютановка (II Ютановский пункт металлургии). На пойменной дюне располагались чернометаллургические горны, между которыми прослежены ямы, возможно, сырьевые. Горн состоял из горновой и предгорновой ямы. В горновую яму, в специально подсыпанную песчаную постель (футеровку), помещался тигель - колбообразная глиняная емкость, внутрь которой была заложена руда, смешанная с древесным углем. Уголь поджигался, воздух подавался через отверстия в верхней части тигля, через отверстие, расположенное в нижней части, вытекал шлак. Данная технология не могла создать температуру, необходимую для выплавки железа. В тигле проходил процесс восстановления металла из руды. Полученный продукт - металло-шлаковая смесь – крица – была полуфабрикатом, нуждающимся в дополнительной обработке.

Переработкой крицы в металл занимались кузнецы.

Прямых свидетельств кузнечного ремесла, орудий труда и мастерских пока не найдено. В то же время, огромное количество железных изделий в материалах могильников и поселений говорит о широком распространении этого ремесла. Кроме того, практически на всех селищах найдено небольшое количество шлака. Выработка железа из руд предполагает огромное количество шлака, тогда как проковка крицы сопровождалась малым количество отходов. То есть, можно предположить, что отдельные фрагменты шлака на поселениях свидетельствуют о кузнечной деятельности.

Кузнечное ремесло лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры было, для своего времени, высокоразвитым. Кузнецам были известны основные способы термической обработки металла – закалка, отпуск, цементации. Они умели создавать комбинированные железно-стальные клинки.

Гончарное производство представлено мастерскими и горнами. Мастерские – постройки, в полу которых присутствуют крепления гончарного круга – выявлены на Дмитриевском селище, горны, состоявшие из двух вертикально расположенных камер – топочной и обжигательной, разделенных перегородкой с круглыми отверстиями – на поселениях у с. Ютановка и Столбище. Комплекс из двух мастерских и горна обследован на II Ютановском пункте металлургии.

Несмотря на наличие огромного количества бронзовых и серебряных предметов в погребениях салтово-маяцкой культуры, следов литейного производства – форм, шлаков, сплесков, тиглей, льячек (ложек для розлива металла) – не выявлено. Это можно объяснить лишь тем, что мастерские литейщиков располагались на удалении от поселений и пока археологическими разведками не обнаружены. Также не обнаружено следов косторезного производства.

Оценивая развитие ремесла, отметим, что железообработка и гончарство у племен салтово-маяцкой культуры уже в целом вышли за пределы домашних промыслов. Мы видим специализированные мастерские профессионалов-ремесленников, работавших на продажу.

Торговые отношения

Свидетельств торговли в материалах лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры достаточно много. Объектами импорта были жидкие продукты, перевозившиеся в амфорах, стеклянные сосуды, бусы. Очевидно, главным торговым партнером выступают города Северного Причерноморья, поставлявшие продукцию собственного производства и являвшиеся пунктами транзита для Средиземноморских товаров. Стеклянные и пастовые бусы, к примеру, изготовлены, в основном, в Сирии и Египте. Некоторые связи прослеживаются и с финно-угорским миром, правда, маркирующие эти связи шумящие подвески, являясь частью костюма финно-угорских женщин, вряд ли выступали в роли товаров. Примечательно, что за исключением янтаря, никаких свидетельств контактов с западными и северо-западными регионами Восточной Европы не прослеживается.

Мы можем только предполагать перечень товаров, экспортировавшихся из лесостепи. Трудно составить мнение и о монетном обращении. Отсутствие монетных кладов позволило харьковскому исследователю А.А. Тортике предположить безмонетный характер торговли. В то же время, монеты и подражания им встречаются в погребениях. На территории лесостепи имели хождения византийские солиды, арабские дирхемы и иранские драхмы. Что касается кладов, то следует обратить внимание на отсутствие традиции их создания. Ведь на территории салтово-маяцкой культуры отсутствуют не только монетные, но и вещевые клады. Географическое положение территории современной Белгородской области практически исключает возможность транзитной торговли. Крупные водные артерии, соединяющие север и юг Восточной Европы, проходят восточнее либо западнее. Сухопутные дороги, соединявшие бы Поволжье и Поднепровье, логичнее проложить немного севернее, чтоб не форсировать Оскол и Донец.

Военное дело

Погребальные памятники лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры содержат большое количество разнообразного вооружения. Основные типы его описаны нами в разделе, посвященном материальной культуре. Здесь мы рассмотрим вопросы боевого применения оружия, организации и интенсивности боевых действий. Отметим, что материалы погребений не могут напрямую рассматриваться как источник по военному делу. Помещение оружия в могилу связано с представлениями о загробном мире, наличие тех или иных видов соответствуют требованиям ритуальным, а не потребностям реального боя. Количество оружия в погребениях также не является свидетельством агрессивности или миролюбия. Так, в погребениях черняховской культуры, оружие встречается крайне редко, тогда как оставившие эту культуру племена готского союза являлись одной из наиболее воинственных групп варваров на границах Римской империи. Тем не менее, в погребения помещалось реально использовавшееся оружие, качество изготовления и вес предметов не позволяют в этом сомневаться.

Традиционно считается, что основу войска лесостепного населения салтово-маяцкой культуры составляла пехота. Аргументировалось это преобладанием в катакомбных погребениях мужских погребений с топориками, но без конской упряжи. Однако маленький топорик чекан является оружием не столько пехотным, сколько кавалерийским, небольшой вес позволяет управлять им одной рукой. В частности чекан входил в состав вооружения конных воинов, погребенных на Ржевском могильнике. Отметим, что раннесредневековая пехота вооружалась в основном крупными секирами, эта тенденция сохраняется и в более позднее время. Кроме того, маленький топор мог быть и гражданским оружием, как у карпатских гуцулов. Таким образом, реконструкция преимущественно пехотного состава войска донских алан на основе встречаемости топоров выглядит необоснованной.

Полный комплект вооружения конного воина мы находим

в погребениях Ржевского могильника: он включает в себя копье, меч, топорик-чекан. Лук и наконечники стрел встречаются редко. О том, что погребенные – всадники, говорит комплект конской упряжи. Собственно, перед нами комплекс вооружения тяжелого конника. Видимо, схожее вооружение имели и воины, похороненные в катакомбах в сопровождении упряжи, копье же не помешали в могилу из ритуальных соображений.

Очевидно, ударную силу салтовского войска составляли тяжеловооруженные всадники. Наиболее эффективной тактикой при таком вооружении является таранный удар плотной массой упорядоченной строем. Пехота при этом играет вспомогательную роль. Лук, как основное метательное оружие, использовался, но, очевидно, в полевом сражении не играл определяющей роли. Сомнение вызывает использование бытовых ножей в военных целях. Спектр применения коротколинкового оружия в средневековой битве был минимален – это добивание противника либо использование как оружия последнего шанса. Метание ножей не фиксирует ни один из письменных источников, не только раннесредневековых, но и более поздних.

Особняком стоит вопрос об интенсивности боевых действий и вероятном противнике. Поселения и городища салтовской лесостепи не показывают следов боевых действий. Те погребения, которые подвергались антропологическому анализу, не несут следов боевых травм. Исключение составляют переломы лицевых костей, полученных в результате удара тупым предметом, однако подобные травмы носят скорее бытовой, нежели военный характер. Стоит оговориться, что лишь малая часть костяков обследовалась антропологами, возможно, дальнейшие исследования дадут иной результат.

Ближайшими соседями салтовских племен в лесостепи были племена роменской культуры (летописных северян) на западе и северо-западе. С северо-востока располагались группы донских славян. Отметим, что северяне к тому же яв-

лялись данниками Хазарского каганата. Военный потенциал славянских племен, очевидно, был не высок, сомнительно, что они представляли угрозу для салтовской земли.

Мощной военной силой в IX веке становится Днепровская Русь. Однако земли верховья Северского Донца и Оскола располагались в стороне от основных маршрутов судовых дружин русов. Полное отсутствие свидетельств контактов между Поднепровьем и лесостепной Хазарией делает боевые столкновения маловероятными. Печенежская угроза была актуальна для более южных, степных районов. Появление на ранее неукрепленных поселениях фортификационных сооружений говорит о том, что в какой-то момент война была весьма вероятна. Тот факт, что эти укрепления избежали штурма, свидетельствует о том, что вторжение не состоялось. В истории Хазарии в 9 веке есть три события, которые могли бы создать угрозу для лесостепных памятников – это гражданская война 820-х годов, переселение венгров в Леведию в 830-х годах и прорыв печенегов за Дон в 889 году. Невозможность точного датирования фортификационных сооружений не позволяет нам привязать изменения к конкретным событиям.

Воинские контингенты подчиненных Хазарии племен могли использоваться для сбора дани с подвластных территорий, охраны границы. Не исключено, что итильские правители привлекали воинов из лесостепи для ведения боевых действий на других направлениях.

Политическое устройство и общественные отношения

С 1940-х годов признанным фактом является соотнесение салтово-маяцкой культуры с Хазарским каганатом. Лесостепные районы распространения культуры стали называть Северо-Западной Хазарией. Собственно письменные источники не упоминают эти земли, из описаний Хазарии также ее границы не вполне ясны. С другой стороны, ни с каким другим государственным образованием эти террито-

рии соотнести нельзя. Существование самостоятельного государства было бы замечено современниками. Игнорирование средневековыми авторами этой территории объясняется просто – они лежали в стороне от торговых путей, тогда как большинство описаний Хазарии составлено со слов арабских купцов. Непосредственного интереса для византийских авторов они также не представляли в силу удаленности от границ империи. Следы государственной деятельности в донской лесостепи присутствуют – это цепочка дорогостоящих прямоугольных крепостей по Тихой Сосне. Трудно сказать, как управлялась Северо-Западная Хазария. По письменным источникам известно, что областью мог управлять наместник – тудун, в то же время, упоминаются и местные правители подвластных Итилю народов.

Общественный строй племен лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры вызывал большой интерес у исследователей. В советское время, следуя марксистским установкам, в общественных отношениях искали признаки феодализма. Кирпичные и каменные крепости рассматривались как феодальные замки. Археологические материалы, прежде всего могильники, наоборот, показывают отсутствие серьезного расслоения в обществе. Масса погребений вооруженных людей, отсутствие по-настоящему элитарных погребений скорее говорит о господстве общинных отношений. Собственно, нет особых оснований говорить даже о военной демократии, при которой отдельные вожди резко выделялись своими возможностями из массы населения.

Другой распространенный тезис хазароведческой историографии – появление салтово-маяцкой культуры в результате оседания кочевников на землю. Отчасти это верно: в степных районах в результате перенаселения часть кочевников действительно была вынуждена перейти к оседлости. В лесостепной же зоне, переселившиеся с Кавказа аланы принесли оседлый уклад, сформировавшийся у них несколько столетий назад.

I.V. Этнокультурные процессы на территории донской лесостепи в Хазарское время.

Разнообразие погребальной обрядности, керамических традиций, домостроения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры свидетельствует о присутствии разных по происхождению групп населения. Еще в начале XX века было высказано предположение, что катакомбные погребения Верхнесалтовского могильника оставлены аланами. Позже, ямные погребения хазарского времени стали соотносить с праболгарами, обратив внимание на их сходство с синхронными захоронениями Дунайской Болгарии и Средней Волги.

С выходом в свет монографии С.А. Плетневой «От кочевий к городам» эта точка зрения стала общепринятой. Появление алан в лесостепи объяснялось переселением с Кавказа. Причиной переселения считалась либо арабская угроза, либо воля хазарского правителя. Что касается болгар, то после разгрома Хазарским каганатом Великой Болгарии ее население, не ушедшее с Аспарухом за Дунай, осталось на прежних местах, приняв власть хазар.

Аланское происхождение катакомбных могильников и селищ, расположенных рядом с ними, сомнений не вызывает. Погребения имеют точные аналогии на Северном Кавказе. Помимо катакомбных захоронений, с аланами можно связать и кухонную керамику, сформованную из глины, имеющей примесь шамота и шлака. Подобные сосуды встречаются как на катакомбных могильниках, так и на расположенных рядом с ними селищах.

Если рассматривать данные признаки как свидетельства присутствия аланского населения, то можно определить районы ими занятые. Основной массив памятников будет расположен в междуречье Северского Донца и Оскола. Северной границей по Донцу можно считать поселение у с. Соломино близ Белгорода, по Осколу – селище у с. Ивановка Старооскольского района. Из малых рек аланские памятники известны лишь по Короче, где самым северным пунктом является поселение у с. Большое Городище. Примечательно,

что разведки, проведенные на правых притоках Оскола – Дубенке, Ольшанке, Холке – не показали наличие салтовских памятников. Заселена была лишь долина Оскола. Отдельная группа салтовских памятников, которую можно связать с аланами, расположена на р. Ураева. Катакомбный могильник у с. Подгоровка и присутствие шамотированной посуды в слоях поселений дает достаточно точную этническую атрибуцию. Особый интерес представляет керамический комплекс памятников, где шамотированная, подправленная на круге посуда, постепенно вытесняется круговой.

Этот процесс в поздней стадии характерен для памятников Тихой Сосны. Там традиционная аланская кухонная посуда встречается в крайне небольших количествах (менее 5 % от всей кухонной керамики). Помимо керамики, аланскую принадлежность памятников долины Тихой Сосны подтверждает выявление под г. Алексеевка катакомбного захоронения (разрушено при хозяйственных работах). В низовьях реки, уже в пределах Воронежской области, расположен знаменитый Маяцкий катакомбный могильник.

Обращает на себя внимание и тот факт, что аланские поселения западной части ареала тяготеют к лесным массивам, остепненные участки, в силу неясных причин, их не привлекали.

Данные погребальных памятников позволяют говорить о том, что донские аланы не представляли собой однородной массы. По мнению Г.Е. Афанасьева различия в погребальном обряде обусловлены племенным делением. Эта точка зрения выглядит обоснованной. При этом, если погребальный обряд Дмитриевского и Нижнелубянского могильников точно соответствует обряду кавказских алан, то у захоронений Ютановки есть черты, которые не имеют кавказских аналогий. К ним относятся вытянутые погребения женщин и прямоугольная форма камер.

Праболгарская атрибуция ямных могильников вызывает гораздо больше возражений, нежели аланская – катакомбных. Если аланские катакомбы имеют точные аналогии вне

пределов распространения культуры, то ямные могилы – нет. К тому же и сами ямные могильники лесостепи не представляют собой единого массива памятников. Отличия между некрополями типа Мандрово и Ржевским могильником очень велики. По сути дела, они представляют собой неродственные погребальные традиции.

Если искать аналогии Ржевским погребениям, то ближе всего к ним окажутся могилы финно-угров Поволжья. Большие ямы, гробы, богатый инвентарь, наличие копий в погребениях сближают их. Положение черепа и ног коня в ногах покойного является традицией волго-уральских угров, часть которых, переселившись в Паннонию, и принесли этот обычай в Европу.

Достоверные аналогии погребениям типа Мандрово найти труднее: крайне упрощенный погребальный обряд находит параллели в самых разных культурах. Если брать для анализа самые яркие, всаднические погребения Мандрово, то наиболее близкими им окажутся подкурганные погребения с ровиками Волго-Донских степей. К числу схожих черт относятся помещение сосуда и мясной пищи с ножом у головы погребенного, наличие в могиле одного стремени, конструкция могильной ямы – погребения со ступенькой Мандровского могильника можно интерпретировать как упрощенную подбойную могилу, типичную для подкурганных погребений. В подкурганных погребениях также отсутствуют копья.

Подкурганные погребения с квадратными ровиками большинство исследователей считает хазарскими. Значит ли это, что памятники типа Мандрова оставлены хазарами? Однозначного ответа пока дать нельзя. Письменные источники указывают, что болгары родственны хазарам. Заметных отличий в погребальной обрядности может и не быть. Так или иначе, весьма вероятно, что могильники оставлены населением тюркского круга.

Говоря о расселении угорских и тюркских общин по территории будущей Белгородской области, следует оговориться, что единственным этническим маркером для них является

погребальный обряд. Собственных керамических традиций, кроме изготовления разнотипной и исключительно редко встречающейся лепной керамики, у них не зафиксировано. Гончарная же посуда часто не несет информации об этносе человека, ее изготовившего. Все это делает невозможным этническую атрибуцию бытовых памятников населения этого круга.

Могильники же не образуют локального района. Концентрация могильников типа Мандрово наблюдается в районе Валуек, на границе степи и лесостепи. Ржевский могильник также расположен на остепненном левобережье Нежеголи.

*****

Памятники салтово-маяцкой культуры донской лесостепи показывают значительное разнообразие практически всех элементов. Керамика, традиции домостроительства и погребальный обряд свидетельствуют о полиэтничности населения. В рамках одной культуры сосуществовали совершенно разные по происхождению племена. Пришедшие с Кавказа ираноязычные аланы соседствуют с тюркоязычными выходцами из степной зоны Восточной Европы, присутствие представителей финно-угорского мира и групп славянского населения третьей четверти I тысячелетия вовсе усложняют и без того пеструю картину.

Отчасти подобная ситуация стала возможной благодаря природным условиям лесостепи. Сочетание разных ландшафтов позволяло уживаться оседлым земледельцам, занимавшим залесенные территории и подвижным скотоводам, ведущим хозяйственную деятельность на остепненных участках.

Следует оговорить еще одно обстоятельство. Так как внутренняя хронология салтово-маяцкой культуры разработана достаточно слабо, мы не можем достоверно отличить более ранние памятники от более поздних. Вполне возможно, что выделенные нами группы населения заселяли лесостепные территории в разное время. Однако, даже допустив разновременность некоторых групп памятников, следует признать,

что наличие разных по происхождению групп памятников является очевидной особенностью лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры.

Сложным является вопрос о взаимовлиянии разных племенных группировок. Определенное нивелирующее воздействие сосуществование в рамках единого государства все же оказывало. Тенденции вытеснения несущей этническое своеобразие лепной либо подправленной на круге керамики, унифицированной по форме и технологии круговой, прослеживается достаточно четко. Наличие в материалах катакомбных погребений индивидуумов, по своим антропологическим показателям близким степному населению, свидетельствует о семейно-брачных контактах. В то же время, вызывает определенные сомнения попытки некоторых исследователей проследить инокультурные влияния в погребальном обряде. То есть, если процесс формирования единой народности из разноплеменного конгломерата и имел место, то только в самой ранней своей стадии.

Список литературы к разделу I

1. Айбабин А.И. Салтовские наборы из Крыма // СА. 1979. №1.

2. Аксенов В.С. Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце // Донская археология. 2001. №3.

3. Аксенов В.С., Михеев В.К. Погребения с крымской посудой могильника салтовской культуры Красная Горка // Vita Antiqua. 2003. №5-6.

4. Аксенов В.С., Крыганов А.В., Михеев В.К. Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры // Материалы I тыс. н.э. по археологии Украины и Венгрии. Киев, 1996.

5. Аксенов В.С. К вопросу об этнической принадлежности захоронений с конем Нетайловского могильника // Вісник ХДУ. Харьків, 1992. Вип. №29, №396.

6. Афанасьев Г.Е. Памятники салтово-маяцкой культуры на Тихой Сосне // Археологические памятники на Среднем Дону. Воронеж, 1983.

7. Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна среднего Дона (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). // Археологические открытия на новостройках. М., 1987, вып. 2. С. 173, 175-178, 180.

8. Афанасьев Г.Е. Муравьевский клад (к вопросу об оногуро-болгаро-хазарских миграциях). // СА. №3. 1987.

9. Афанасьев Г.Е. Донские аланы. М., 1993.

10. Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского каганата // СА. №3. 2001.

11. Афанасьев Г.Е., Николаенко А.Г. О салтовском типе сыродутного горна // СА. №2 1982.

12. Афанасьев Г.Е., Николаенко А.Г. Металлургический комплекс у с. Ездочного // Маяцкое селище. М., 1984.

13. Балинт Ч. Погребения с конями у венгров в IX-X вв. // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.

14. Березовец Д.Т. Раскопки в Верхнем Салтове в 1959-1960 гг. // КСИА АН УССР, 12. 1962.

15. Богачев А.В., Багаутдинов Р.С., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. Самара, 1998.

16. Бокий Н.М., Плетнева С.А. Захоронение семьи воина-всадника в бассейне Ингула // СА. 1988. №2.

17. Братченко С.Н., Щвецов М.Л. Средневековый могильник у станицы Багаевской // СА. 1984. №3.

18. Веймарн Е.В., Айбабин А.И. Скалистинский могильник. Киев, 1993.

19. Винников А.З., Афанасьев Г.Е. Культовые комплексы Маяцкого селища. Воронеж, 1991.

20. Винников А.З., Плетнева С.А. На северных рубежах хазарского каганата. Воронеж, 1998.

21. Винников А.З., Сарапулкин В.А. Раннесредневековый грунтовый могильник у с. Мандрово // Археология восточноевропейской лесостепи: Вып. 15: Средневековые древности евразийских степей. Воронеж, 2001.

22. Винников А.З., Сарапулкин В.А. Мандровский могильник. Болгары в Поосколье. Воронеж, 2008.

23. Власкин М.В., Илюков Л.С. Раннесредневековые курга-

ны с ровиками в междуречье Сала и Маныча // СА. 1990. №1.

24. Жиронкина О.Ю., Цитковская Ю.И. Новые данные о погребальном обряде Нетайловского могильника // В: Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996.

25. Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.

26. Дмитриев А.В. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V-IX веков // Крым, северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М., 2004.

27. Иванов А.А. Раннесредневековые кочевнические захоронения второй половины VII первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья. Автореф. дисс. к. и. н. Волгоград, 2000.

28. Иванов А.А., Копылов В.П. Брозовые зеркала из раннесредневековых подкурганных погребений Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья // Донская археология. 2001. №3-4.

29. Иванов А.А., Копылов В.П., Науменко С.А. Поясные наборы из курганов хазарского времени междуречья Сала и Дона // Донская археология. 2000. №1.

30. Иченская О.В. Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нетайловского могильника – В: Древности среднего Поднепровья. Киев, 1981.

31. Казаков Е.П. О культе коня в средневековых памятниках Евразии – В: Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984.

32. Кравченко Э.Е., Шамрай А.В. Погребальные комплексы хазарского времени с баклагами на территории Донецкой области // Донская археология. 2000. № 3-4

33. Кравченко Э.Е., Давыденко В.В. Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Донецк, 2001.

34. Красильников К.И. Могильник древних болгар у с. Желтое на Северском Донце // Проблеми на прабългпрската история и култура. София, 1991. вип. 2.

35. Красильников К.И., Тельнова Л.И. Грунтовый могильник у поселка Новодачное // Древности Подонцовья. Луганск, 1997.

36. Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. №62. 1958.

37. Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Киев, 1985.

38. Михеев В.К. Погребальный обряд Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.

39. Михеев В.К. Новый грунтовый могильник салтовской культуры в с. Червонная Гусаровка // Древности 1994 г. Харьков, 1994.

40. Перепелкин С.Б., Сташенков Д.А. Палимовское погребение // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара. 1996.

41. Плетнева С.А. Подгоровский могильник // СА. №3. 1962.

42. Плетнева С.А., Николаенко А.Г. Волоконовский древнеболгарский могильник // СА. 1976. № 3.

43. Плетнева С.А. От кочевий к городам. МИА. №109. М., 1967.

44. Плетнева С.А. Кочевники средневековья: поиски исторических закономерностей. М., 1982.

45. Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

46. Плетнева С.А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовье // Плиска-Преслав. София, 1981. т. 2.

47. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.

48. Плетнева С.А. Правобережное Цимлянское городище // МАИЭТ, вып. V. 1995.

49. Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М., 1999.

50. Савченко Е.И. Крымский могильник // АОН. 1986. Вып. 1.

51. Сарапулкин В.А. Ржевский грунтовый могильник салтово-маяцкой культуры (предварительное сообщение) // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 12. Воронеж, 2006.

52. Сарапулкин В.А. Сарапулкина Т.В. Могильник салтово-маяцкой культуры у с. Терехово // Археологическое изучение Центральной России. Липецк, 2006.

53. Степовой А.В. Тишанский ямный могильник // Николаенко А.Г. Оскол, древность, память. Волоконовка, 1996.

54. Татаринов С.И., Копыл А.Г. Дроновские древнеболгарские могильники на р. Северский Донец // СА. №1. 1981.

55. Татаринов С.И., Федяев С.В. Новые раннеболгарские погребение из могильника Дроновка 3 (Лиманское озеро) на Северском Донце // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк, 2001.

56. Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюрко-язычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.

57. Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.

58. Татаринов С.И., Копыл А.Г. Дроновские древнеболгарские могильники на р. Северский Донец // СА. 1981. №1.

59. Татаринов С.И., Копыл А.Г., Шамрай А.В. Два праболгарские могильника на Северском Донце // СА. 1986. №1.

60. Татаринов С.И., Федяев С.В. Новые раннеболгарские погребения из могильника Дроновка 3 (Лиманское озеро) на Северском Донце // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2001. Т. 2.

61. Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника – В: Вопросы этногенеза тюрко-язычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.

62. Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // СА. 1976. №2.

63. Швецов М.Л. Могильник Зливки // Проблеми на прабългарската история и култура. София, 1991. Вип. 2

64. Швецов М.Л., Санжаров С.Н., Прынь А.В. Два новых сельских могильника в Подонцовье // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.2. Донецк, 2001.

65. Шрамко Б.А., Грубник-Буйнова Л.П., Михеев В.К. Справочник по археологии Украины. К., 1977.

66. Флеров В.С. Погребальный обряд на севере Хазарского каганата. Волгоград, 1993.

67. Флеров В.С. «Семикаракоры» - крепость Хазарского каганата на Нижнем Дону // РА. №2. 2001.

68. Флерова В.Е. Граффити Хазарии. М., 1997.

69. Флерова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX-XII веков: Искусство и ремесло. Спб., 2001.

70. Флерова В.Е. Образ и миф средневековой Хазарии. М., 2003.

Контрольные вопросы к разделу I

1. Когда и кем были выявлены первые памятники салтово-маяцкой культуры на территории Белгородской области?

2. Назовите исследователей, внесших наибольший вклад в изучение хазарских древностей Белгородчины.

3. Назовите наиболее значимые памятники салтово-маяцкой культуры на территории региона.

4. Перечислите наиболее важные события в истории Хазарского каганата.

5. В чем заключается отличие стойбищ от селищ?

6. В чем особенности топографии бытовых памятников салтово-маяцкой культуры?

7. Какие типы укреплений известны на городищах салтово-маяцкой культуры, расположенных на территории Белгородской области?

8. Чем обусловлены различия в фортификации городищ первого и второго типов?

9. Какие типы построек характерны для салтово-маяцкой культуры?

10. Какие типы отопительных устройств характерны для салтово-маяцкой культуры?

11. В чем, по мнению исследователей, заключается особенность традиций домостроительства племен салтово-маяцкой культуры?

12. Каково устройство катакомбы?

13. Каковы позы погребенных в катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры?

14. В чем причины нарушения анатомического порядка в катакомбах?

15. Каков погребальный инвентарь мужских захоронений?

16. Каков погребальный инвентарь женских захоронений?

17. В чем различия погребений двух групп катакомбных могильников?

18. Какова этническая принадлежность ямных погребений катакомбных могильников?

19. Какова этническая принадлежность кремаций Дмитриевского могильника?

20. Какие непогребальные объекты выявлены на катакомбных могильниках?

21. Назовите наиболее изученные ямные могильники салтово-маяцкой культуры на территории Белгородской области?

22. В чем разница погребальных обрядов разных могильников?

23. Что представляет собой Муравьевский клад?

24. Какие виды привозной керамики встречаются на памятниках салтово-маяцкой культуры?

25. В чем отличия между различными типами кухонной керамики?

26. Какие виды столовой керамики салтово-маяцкой культуры вам известны?

27. В чем особенности керамической традиции салтово-маяцкой культуры?

28. Какие виды орудий труда получили наибольшее распространение у племен салтово-маяцкой культуры и почему?

29. Какие предметы входили в комплект конской упряжи?

30. Какие типы украшений встречены в материалах салтово-маяцкой культуры?

31. Какой тип орнамента характерен для поясных наборов салтово-маяцкой культуры?

32. Как можно объяснить малое количество орудий труда, выявляемых при раскопках поселений салтово-маяцкой культуры?

33. Что составляло основу хозяйства племен салтово-маяцкой культуры

34. Какова роль присваивающих форм в хозяйственной деятельности?

35. Какие ремесла получили наибольшее распространение у населения северо-западной Хазарии?

36. Почему археологи не фиксируют следы литья цветных металлов?

37. Каковы направления торговых связей населения салтово-маяцкой культуры?

38. Кто составлял основу войска населения салтово-маяцкой культуры?

39. В состав какого государства входила Белгородская область в 8-10 вв.?

40. Охарактеризуйте общественный строй племен салтово-маяцкой культуры?

41. Какие археологические признаки этноса вам известны?

42. Каковы археологические признаки аланского этноса?

43. С какими народами можно соотнести ямные захоронения?

Темы рефератов по разделу I

1. Памятники салтово-маяцкой культуры на территории Белгородской области. Типология и топография.
2. Хозяйство населения салтово-маяцкой культуры.
3. Погребальный обряд катакомбных могильников салтово-маяцкой культуры.
4. Религиозные представления населения салтово-маяцкой культуры.
5. Погребальный обряд ямных могильников салтово-маяцкой культуры.
6. Украшения салтово-маяцкой культуры.
7. Фортификация салтово-маяцкой культуры.
8. Военное дело населения салтово-маяцкой культуры.
9. Ремесло населения салтово-маяцкой культуры.
10. Хронология салтово-маяцких древностей.
11. Поясные наборы салтово-маяцкой культуры.
12. Постройки салтово-маяцкой культуры.
13. Торговля салтово-маяцкой культуры.
14. Керамика салтово-маяцкой культуры.

Раздел II. Памятники роменской культуры на территории Белгородской области.

Роменская культура занимает территорию Днепровского лесостепного левобережья. Основной массив памятников расположен в бассейне левых притоков Днепра – Десны, Псла, Сейма, Ворсклы. Примечательно, что в нижнем течении этих рек памятники роменской культуры отсутствуют. Северная граница распространения роменских памятников проходит по территории современной Калужской области, самые восточные поселения известны на реках Корень и Короча бассейна Северского Донца.

Появление роменской культуры датируется VIII веком. Непосредственно предшествуют ей на территории Днепровского лесостепного левобережья памятники волынцевской культуры, которую одни исследователи рассматривают как ранний этап роменских древностей, другие – как самостоятельный массив памятников. Так или иначе, волынцевские памятники показывают значительное сходство с более поздними, роменскими, и, вне зависимости от наличия либо отсутствия генетического родства, влияние волынцевской культуры на роменскую является очевидным.

В процессе своего развития роменская культура претерпевает некоторые изменения, коснувшиеся особенностей домостроения, керамического производства, характера импорта и т.д. Финал культуры приходится на начало XI века. На смену роменским поселениям и могильникам приходят древнерусские.

Этническая принадлежность населения роменской культуры установлена весьма точно – это, известные по Повести временных лет, северяне. Уже в первом перечислении славянских племен северяне фигурируют в качестве самостоятельного объединения. Примечательно, что летописная локализация северян достаточно точно совпадает с территорией распространения роменских памятников.

Повесть временных лет упоминает северян в списке племен, выплачивавших дань хазарам.

884 годом датируется первое столкновение северян с Днепровской Русью. Князь Олег предпринял поход на левобережье Днепра, в результате которого северяне были обложены «данью легкой». Очевидно, что на тот момент нельзя говорить о подчинении Севера Киеву. Письменные свидетельства истории северян в X веке включают в себя сообщение Константина Багрянородного, включившего их в число племен, охваченных полюдьем, и упоминание народа с-р-н в письме хазарского царя Иосифа, который говорит о выплате ими дани в Итиль. Примечательно, что Повесть временных лет не упоминает северян в интервале 884-1024 годов. Это, вместе с враждебным отношением Нестора к Северу, говорит о непростых отношениях между Древнерусским государством и союзом славянских племен левобережья Днепра.

На протяжении X-начала XI веков зависимость северян от Киева усиливалась. Однако, еще в 1024, во время Лиственской битвы, северяне, будучи вассалами Мстислава Черниговского, все же рассматриваются последним скорее как вассалы, нежели как подданные.

Письменные источники не упоминают о северянах после 1024 года. Примерно в это же время прекращает свое существование роменская культура. Исследователи рассматривают ее финал либо как плавный переход к древнерусской культуре, либо как результат военного разгрома, предпринятого киевским князем Ярославом с целью окончательного подчинения Северской земли.

II.I. История изучения памятников роменской культуры на территории Белгородской области.

Территория современной Белгородской области в VIII-X веках являлась восточной окраиной Северской земли. Пограничный характер определил слабую заселенность данной территории. Если раскопки салтово-маяцких памятников с территории Белгородчины сыграли значительную роль в определении основных признаков лесостепного варианта этой культуры, то представления о культуре роменской сфор-

мировались на основе изучения более западных поселений. Наиболее известными памятниками являются городища Битица, Новотроицкое Опошня, расположенные на территории Полтавской области, Большое Горнальское городище, поселение и могильник Липино в Курской области и т.д.

В настоящее время на территории Белгородской области известно всего пять памятников роменской культуры (Рис. 11). Наиболее изученным из них является Хотмыжское городище, открытое в 1948 году И.И. Ляпушкиным. Памятник расположен в селе Хотмыжск Борисовского района, на правом берегу Ворсклы, и представляет собой мысовое городище, укрепленное линиями валов и рвов. Хотмыжское городище подвергалось стационарным раскопка в 1983, 1990-1991 годах Славяно-русской экспедицией Белгородского государственного педагогического института под руководством А.Г. Дьяченко.

В Шебекинском районе известно городище у с. Крапивное, также содержащее отложения роменской культуры. Городище открыто в 1962 году С.А. Плетневой. Раскопки А.Г. Дъяченко в 1995-2003 годах показали наличие роменского слоя. Примечательно, что и в Крапивном, и в Хотмыжске на месте роменских поселений, впоследствии были основаны древнерусские города.

Поселение роменской культуры существовало и в черте современного Белгорода, на Белой горе (район авторынка) в том месте, где в 1593 году была заложена Первая Белгородская крепость. Раскопки А.В. Никитина в 1951 году показали наличие в нижних слоях памятника роменской керамики. Характер поселения остался неясен – зафиксированные исследователем укрепления относились к XVI веку, возможно, они были сооружены на месте раннесредневековых валов и рвов. К сожалению, в 1960-1970 годы этот ценнейший с научной и мемориальной точки зрения объект был уничтожен меловым карьером.

Роменская керамика был обнаружена на поселение Песчаное-3, расположенном в Ивнянском районе на первой

надпойменной террасе правого берега Псла. Памятник выявлен научным сотрудником Ленинградского отделения Института археологии АН СССР Е.А. Горюновым в 1978 году.

Фрагменты керамики, украшенные типичным для роменской культуры орнаментом, найдены на Белой горе в г. Короче. В настоящий момент они хранятся в Корочанском районном музее.

Небольшое, в сравнении с салтово-маяцкими памятниками, количество поселений роменской культуры объясняется рядом факторов. Во-первых, разведок, ориентированных на поиск славянских древностей второй половины I тыс. н.э. на территории Белгородской области не проводилось, тогда как салтовские памятники искали С.А. Плетнева, Г.Е. Афанасьев, А.Г. Николаенко. Во-вторых, объективно количество роменских поселений, присутствующих в современных границах региона, невелико. Окраины летописной Северской земли, к каковым относится территория современной Белгородской области, не были заселены так же густо, как и центральная часть.

II.II. Характеристика памятников роменской культуры

Бытовые памятники

Долгое время считалось, что основным типом памятников роменской культуры являлись городища. Однако интенсивные разведочные работы 1970-х – 1990-х годов показали, что, как и для большинства других культур, доминирующим видом бытовых памятников для северян являлись селища. Расположение их весьма разнообразно – многочисленная группа представлена пойменными поселениями, заселялись также первые надпойменные террасы, коренные берега. Часть селищ, расположенных на высотах, имевших естественные укрепления, была отнесена исследователями к городищам. Большое количество селищ расположено у впадения ручьев в реку. Примечательно, что пойменные поселения, как правило, небольшие (1-2 двора), что, видимо, определялось хозяйственной необходимостью.

Еще в середине XX века исследователи отметили тяготение роменских поселений и городищ к залесенным участкам лесостепи. Также отмечено, что поселения часто располагаются на участках, характеризующихся подзолистыми почвами. Очевидно, это связано с особенностями хозяйственной деятельности, а именно, с традициями земледелия. Для обработки черноземов, занимавших остепненные участки лесостепи и серых лесных почв, необходимы разные орудия: первые пашутся тяжелым плугом, вторые – сохой. Видимо, пахотные орудия роменцев не были предназначены для обработки тяжелых, но плодородных черноземов. Подобная ситуация наблюдается на южнорусских землях в XVII-XVIII веках в эпоху повторной славянской колонизации. Русские переселенцы из лесных районов тяготели к залесенным участкам, которые могла обрабатывать легкая соха на конной тяге, украинцы же, располагавшие тяжелым колесным плугом на воловьей тяге, охотно занимали степные угодья. Примечательно, что единственные племена, селившиеся на водоразделах в дорусское время, это носители черняховской культуры, располагавшие тяжелыми пахотными орудиями.

Хозяйственное и оборонное значение леса также имело некоторое влияние на выбор места поселения, однако, как показывают этнографические материалы, определяющее значение для земледельческого населения всегда играет наличие пригодных для обработки земель.

Городища роменской культуры весьма многочисленны. К тому же, этот вид памятников изучен лучше, чем селища. Исследователи, исходя из площади, выделяют четыре типа городищ. Самые маленькие имеют площадь более 0,6 га, и являются центрами небольших общин либо пограничными крепостями, средние (представлены двумя типами) были административными центрами крупных объединений, самые большие по своим функциям приближались к городам.

Для фортификации роменской культуры характерно максимальное использование оборонительных возможностей местности. Крепости располагались на высоких мысах

коренных берегов, реже на останцах. Склоны мысов эскарпировались (естественная крутизна усиливалась подрезкой). Примечательно, что подрезали не только достаточно крутые склоны, но и весьма пологие, то есть заменяли обваловку эскарпированием. Иногда эскарп облицовывали деревом.

Валы и рвы также широко использовались при укреплении городищ. Они отделяли площадь крепости от поля, иногда вал фиксировался и над крутым склоном. В большинстве своем, валы несут в себе следы деревянных конструкций. Это либо два ряда вертикально вкопанных бревен, между которыми забутовывалась земля, либо ряд срубов, также заполненных грунтом. Иногда ряд срубов усиливался с внутренней стороны клетями, с внешней – грунтовой отсыпью, облицованной вертикально стоящими бревнами.

На многих городищах прослежено несколько этапов строительства укреплений. Как правило, первоначально эскарпировались склоны, площадка отгораживалась от поля рвом и стеной. В дальнейшем, стены сооружались по периметру городища, внутренний склон вала усиливался деревянными конструкциями. Примечательно, что для роменских укреплений нехарактерно использование нескольких линий валов и рвов.

Постройки

Основным типом жилища роменской культуры являются полуземлянки. В материалах раскопок они представлены небольшими, 3Х5 м, прямоугольными котлованами глубиной 0,5-1,5 м. Постройки ориентированы углами по сторонам света. По периметру котлованов прослеживаются столбовые ямки. При этом выделяются постройки, имевшие полный набор столбов, предусмотренный каркасно-столбовой конструкцией стен, и постройки, имевшие 2-4 столба. Примечательно, что постройки с неполным набором столбов, как правило, более ранние, нежели жилища с каркасно-столбовой конструкцией стен. Столбы поддерживали крышу, очевидно двускатную, и служили каркасом для облицовывавших стены досок. В ряде построек стены имели срубную конструкцию.

Полом жилища служило либо материковое основание, либо специально нанесенный слой глиняной обмазки. Некоторые раскопанные постройки роменской культуры можно интерпретировать как двухэтажные. Нижний этаж – подклет – был на 2/3 утоплен в котлован. Оба этажа отапливались.

Главным отличием от построек салтово-маяцкой культуры является присутствие в роменских жилищах печи. Как правило, она располагалась в дальнем от входа углу. Печь вырубалась в специально оставленном останце, имевшем форму куба. Многие отопительные устройства несут следы ремонта, свод и стены подновлялись при помощи глиняного раствора, сырцовых кирпичей, битой керамической посуды. На позднем этапе развития роменской культуры останцовые печи вытесняются глинобитными.

Помимо останцовых и глинобитных печей в роменских постройках изредка встречаются печи в виде ниши, вырубленной в стенке жилища. Почти всегда они соседствуют с останцовыми печами. В единичных постройках прослежены очаги – простые круглые пятна прокаленной глины. К числу элементов интерьера следует отнести вырубленные в грунте лавки и колоколовидные ямы, расположенные у стен.

К числу хозяйственных построек относят прямоугольные наземные сооружения, стены которых состояли из расположенных вертикально деревянных плах. В этих постройках прослежены следы очагов. Количество подобных строений сравнительно невелико. Нередки на поселениях роменской культуры и отдельно стоявшие печи. Как правило, они представляли собой вырубленные в склоне подбои и очевидно являлись печами летних кухонь.

На поселениях роменской культуры выявлено значительное количество хозяйственных ям. Как правило, они имели колоколовидную в разрезе форму. Стенки часто подмазаны глиной и обожжены. Ямы данного типа служили для хранения зерна. Изредка встречаются хозяйственные ямы прямоугольной формы.

Погребальный обряд

Как и все славянские племена I тыс. н.э. роменцы хоронили своих покойников по обряду кремации. Покойный сжигался на стороне, после чего кальцинированные кости собирались и помещались в землю. Достаточно редко фиксируются следы кремации на месте. Прах покойных хоронили в небольших (диаметром 5-15, высотой 0,2-1,5 м) курганах, образовывавших большие группы. Чаще всего погребение помещалось в верхней части насыпи, реже – на уровне древней дневной поверхности. Ряд исследователей считают, что эти различия носят хронологический характер. Погребения на уровне древнего горизонта характерны для раннего этапа развития культуры, расположенные в верхней части насыпи – более поздние. В финале роменской культуры появляются подкурганные ингумации.

Примерно 2/3 погребений безурновые: кости выспались в ямку, в 1/3 погребений прах покойного клали в урну – простой кухонный горшок.

Большинство захоронений роменской культуры безинвентарные. Редко погребения сопровождались оплавленными украшениями, бусами, поясными пряжками.

В целом, для погребений роменской культуры характерна значительная унификация обряда, удаленные друг от друга на сотни километров памятники показывают удивительное однообразие ритуальных действий. Это, по мнению исследователей, говорит о существовании общих для всего населения Северской земли представлений о загробном мире.

II**I. Материальная культура роменских памятников**

Керамика

Керамический комплекс роменской культуры выглядит достаточно однородным. Основное место в нем занимает лепная кухонная посуда. Практически единственной примесью в глиняном тесте является шамот, крупные фракции которого часто хорошо видны на поверхности сосудов.

Доминирующей формой кухонной посуды являются

горшки, представленные 3 типами. К первому относятся сосуды с яйцевидным туловом, место наибольшего расширения которого расположено немного выше середины, венчик короткий, слабо отогнутый, дно небольшое (Рис. 12 – 1). Второй тип представлен сосудами с широкой горловиной, яйцевидным туловом и широким дном (Рис. 12 – 3). К третьему типу отнесены горшки с коническим туловом, высоким плечом, широким горлом и маленьким дном (Рис. 12-2).

Гораздо реже, нежели горшки встречаются миски. Они включают в себя два типа. Миски первого типа напоминают сильно сплющенные горшки третьего типа (Рис. 12 – 6). Второй тип мисок представлен безшейными сосудами усеченной конической формы.

К числу кухонной посуды относятся и сковородки – глиняные диски с невысоким вертикальным либо плавно отогнутым бортиком (Рис. 12 – 7).

Характерной чертой роменской кухонной керамики является достаточно богатая и своеобразная орнаментация. Орнамент, как правило, наносился палочкой, на которую наматывался шнур. Отпечатки данного штампа имели форму личинок или гусениц (Рис. 12 – 1,6). Подобными отпечатками украшался край венчика сосудов, они опоясывали сосуд по плечу линией косых отпечатков, зигзагов, крестов. Отметим, что часть сосудов, выявленных при раскопках роменских поселений, орнаментирована иначе – пальцевыми защипами по венчику и вдавлениями по плечу. Две традиции орнаментации керамики сосуществовали на протяжении всего времени бытования роменской культуры.

Особым типом горшков являются сосуды с высоким цилиндрическим, часто сужающимся, венчиком (Рис. 12 – 4-5). Подобная форма сосудов характерна для предшествующих волынцевских памятников. Сосуды данного типа изготовлены на гончарном круге из тонкого теста с примесью песка или без видимых примесей. Поверхность часто покрыта лощением. Данные сосуды, видимо, являлись столовыми. Сосуды подобной формы, но изготавливавшиеся из типичного

для лепной роменской керамики теста, продолжают присутствовать в керамическом комплексе культуры и после исчезновения волынцевских памятников.

Столовая керамика также представлена немногочисленными фрагментами импортных сосудов салтово-маяцкой культуры.

Сравнительно небольшое число фрагментов керамики, выявляемых при раскопках роменских поселений, относится к амфорам.

На протяжении своего развития роменская керамика претерпела некоторые изменения. Так исчезли некоторые формы сосудов; орнаментация керамики развитого и позднего этапа культуры богаче, в сравнении с посудой раннего периода. На позднем этапе появляются сначала сосуды, сформованные при помощи поворачивающейся подставки, а потом и раннекруговые горшки. Поздние роменские памятники характеризуются также наличием импортной круговой древнерусской керамики.

Вещевой комплекс

Количество найденных при раскопках роменских памятников предметов, в сравнении с салтово-маяцкими древностями, невелико. Объясняется это тем, что погребальный обряд северян не предусматривал помещение в захоронение большого количества вещей, тогда как подавляющее большинство салтовских погребений снабжены инвентарем. Если же сравнивать материалы только бытовых памятников, то слои роменских городищ окажутся даже более богатыми, нежели салтовские.

Украшения роменской культуры четко делятся на две группы, первая – собственно северянские предметы. Вторая – импортные изделия или подражания им.

Импортные украшения представлены несколькими группами. Первая группа связана с финно-угорским, либо балтским миром. К числу украшений данной группы относятся трапециевидные подвески (Рис. 14 – 6), подвески в виде ути-

ных лапок, шумящие подвески и пронизки – трубочки скрученные из треугольной в сечении медной проволоки (Рис. 14 – 7). Большинство вещей данной группы оказалась на северянской территории в результате контактов с северо-восточными соседями. Возможно, некоторые предметы – трапециевидные подвески и пронизки – связаны с предшествующим роменскому населением колочинской культуры. Отметим также, что пронизки весьма широко представлены в материалах катакомбных могильников салтово-маяцкой культуры. Причем их количество говорит скорее о местном производстве данного вида украшений. Это, в свою очередь, не исключает использование салтовскими ювелирами инородных прототипов. Трапециевидные подвески также не являются редкостью для салтовских погребений.

Гораздо большим количеством предметов представлены украшения салтово-маяцкого облика. На ранних памятниках они зачастую количественно доминируют. Салтовский импорт включает в себя серьги, как правило, литые (Рис. 14 - 3-6), перстни – литые щитковые (Рис. 14 – 1) и с каменной вставкой, закрепленной четырьмя лапками (Рис. 14 – 2). Встречаются также поясные бляшки и литые зеркала. Примечательно, что к предметам салтовского импорта исследователи относят предметы, для памятников этой культуры нехарактерные. В частности, литые серьги с имитацией длинной подвески (Рис. 14 – 5), состоящей из многих бусин ни разу не встречены на поселениях и в погребениях салтово-маяцкой культуры. Большинство предметов салтовского происхождения в материалах роменской культуры – это простые литые предметы. Вполне возможно и местное производство данных изделий на основе импортных образцов.

Третья группа импортных изделий связана с нижним Подунавьем. К ней относятся весьма сложные в изготовлении предметы – височные кольца и серьги с зернью, составные штампованные бляшки.

Следует отметить, что именно третья группа импорта стала основой для развития собственно роменской тради-

ции изготовления украшений. В частности, в результате приспособления дунайских образов к местным технологическим возможностям появились характерные для роменской культуры пятилучевые и семилучевые височные кольца (Рис. 14 – 7-8). Также была воспринята традиция изготовления шейных гривен, сделанных из перекрученного дрота (толстая проволока) и имевших застежку (Рис. 14 – 13). Браслеты роменской культуры также имеют дунайские корни. Это предметы из круглого дрота с утолщенными концами (Рис. 14 – 10) либо скрученная в один-полтора оборота пластина, в центральной части раскованная в дрот (Рис. 14 – 11). Перстни собственно роменского облика в основном относятся к так называемым «усатым» (Рис. 14 – 12). Фибулы – подковообразные.

Предметы быта и орудия труда представлены в материалах роменских памятников достаточно широко. Наиболее частой находкой являются пряслица – лепные биконические (Рис. 13 – 12) или сделанные из стенки сосудов. Предметы из камня включают в себя оселки и обломки жерновов.

Ножи роменской культуры, в отличие от салтово-маяцких, не имеют порожка, отделяющего лезвие от рукояти, их хвостовики более длинные (Рис. 13 – 5-6).

Из железа изготавливались также серпы (Рис. 13 – 10), косы-горбуши, наральники (Рис. 13 – 11), топоры (Рис. 13 – 9), тесла (Рис. 13 – 7).

В слоях роменских поселений достаточно много изделий из кости – кочедыгов (предметов в виде острия с шаровидным утолщением на тыльной стороне, предназначенных для плетения), шильев, игл.

Находки предметов вооружения на территории распространения роменской культуры сравнительно редки, что, как было сказано выше, обусловлено отсутствием традиции помещать предметы в погребения. В слоях поселений встречены сабли салтовского типа, а также фрагменты сабельных клинков, боевые топоры с широким, оттянутым вниз лезвием, булавы, наконечники копий и дротиков. Защитное вооружение представлено обрывками кольчуг.

Наиболее часто встречаются плоские черешковые наконечники стрел с ромбическим, треугольным, пятиугольным пером (Рис. 13 – 1-4). Примечательно, что трехлопастные салтово-маяцкие наконечники на роменских поселениях встречаются крайне редко (один случай). Это является косвенным свидетельством мирного сосуществования двух культур.

Элементы конской упряжи представлены удилами, отдельными металлическими или костяными псалиями, подпружными пряжками, сбруйными бляхами, разделителями.

II.IV. Хозяйство, социальная организация, политическое устройство, происхождение

Основой хозяйства населения роменской культуры, как и других культур славянского круга, являлось пашенное земледелие. Об этом свидетельствуют находки железных наральников, серпов, кос. Многочисленные зерновые ямы, выявленные на поселениях, содержали зерна злаков – пшеницы, ржи, проса и т.д. Очевидно, основным видом возделываемых земель были легкие в обработке подзолистые и серые лесные почвы.

О развитии скотоводства говорит значительное количество костей домашних животных, выявленных в слоях и объектах поселений. Основное место в стаде занимают крупный рогатый скот и свиньи, что характерно для придомного скотоводства. В качестве пастбищ использовались пойменные луга, где нередко встречаются небольшие поселки.

Значительную, особенно в сравнении с салтово-маяцкой культурой, роль в хозяйстве играло рыболовство. Об этом свидетельствуют находки рыболовных крючков, кочедыков для плетения сетей, грузил, чешуи рыб. Некоторое количество костей диких животных говорит о том, что охота еще не утратила хозяйственного значения.

Наибольшее количество свидетельств развития ремесла у населения роменской культуры связано с черной и цветной металлургией. О первой свидетельствуют фрагменты шла-

ка, остатки горнов и мастерских. Горны конструктивно отличаются от салтово-маяцких – они представляют собой печь, вырубленную в склоне, имевшей топку конусовидной формы. Тигель и футеровка отсутствовали. О развитии цветной металлургии говорят находки льячек – ложек для розлива металла, и литейных форм. Примечательно, что на памятниках роменской культуры выявлено достаточно большое количество свидетельств производства изделий из цветных металлов, тогда как на территории лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры практически неизвестны следы их литья. Очевидно, это связано как с недостаточной изученностью территории, так и с особенностями организации производства, характерной для той или иной культуры. Гончарное производство и косторезное дело видимо находились на уровне развития, характерном для домашних промыслов.

Свидетельств торговли северян с соседями достаточно много: помимо импортных украшений и керамики к ним относятся бусы и монетные находки. Последние достаточно часто встречаются в материалах поселений и представлены, в основном, арабскими дирхемами. Бусы показывают значительное сходство с выявленными при раскопках памятников салтово-маяцкой культуры.

Вопрос о том, какой товар поставляли северяне на внешний рынок, выглядит весьма сложным. Основным продуктом, производимым роменским обществом, было зерно. Однако коммерческая ценность данного вида сельхозпродукции выглядит сомнительной. Племена роменской культуры находились в окружении таких же земледельцев. Племена салтово-маяцкой культуры, особенно его степного варианта, по уровню развития сельского хозяйства превосходили северян. Славяне Поднепровья, как минимум, не уступали. Если рассматривать в качестве потенциальных импортеров города Северного Причерноморья, то следует признать, что салтовское население Подонцовья и славянское – низовьев Днепра, выглядит гораздо более выгодным партнером, прежде всего, за счет меньшего расстояния перевозки, влиявшего на цену товара.

Предметами экспорта, скорее всего, являлись продукты подсобных промыслов – бортничества, охоты, возможно, технические культуры, в частности, лен.

Так или иначе, товарообмен между роменскими племенами и их южными соседями был весьма интенсивен. По свидетельству Повести временных лет северяне выплачивали дань хазарам серебряными монетами, которые могли оказаться в роменской земле лишь в результате торговли.

Социальная организация северянского общества, видимо, характерна для стадии распада первобытно-общинного строя. Материалы памятников показывают некоторое имущественное расслоение, проявляющееся в различиях размеров хлебных ям, присутствии в некоторых постройках монет и серебряных вещей. Однако глубина расслоения не до конца ясна. Не выделяются престижные погребения, отсутствуют постройки, существенно превосходящие остальные по своим характеристикам, также для роменской культуры не характерны погребения дружинников.

Следует отметить, что союз племен северян выступает на страницах письменных источников как единый субъект, что подразумевает наличие внутренней системы управления и единого руководства. Наличие также и протогородских центров позволяет ряду исследователей говорить о наличии у северян раннего государства.

На протяжении значительного периода своей истории, вплоть до начала X века, союз племен северян находился в зависимости от Хазарского каганата. Эта зависимость проявлялась в выплате дани. Если размер дани обозначен в Повести временных лет – «по шелягу с рала», то механизм сбора дани неясен. Некоторые исследователи считают, что хазарская администрация в северской земле располагалась на городище Битица (Сумская область Украины). В качестве аргументов рассматривается наличие в материалах этого памятника значительного количества лощеной круговой керамики, так называемого «волынцевского» типа и остатки юртообразных построек. Собственно, наличие кочевого эле-

мента в днепровской левобережной лесостепи сомнений не вызывает. Помимо юртообразных построек известен ряд погребальных комплексов VII-VIII веков н.э. Что касается волынцевской керамики, то она имеет сходство с салтово-маяцкой лишь в технологии лощения и использовании одного элемента орнамента – пролощеной сетки. Форма же ее абсолютно чужеродна для керамики салтово-маяцкой культуры.

Вопрос о происхождении роменской культуры нельзя считать однозначно решенным. В настоящий момент существуют две группы гипотез, сторонники первой (О.В. Сухобоков, С.П. Юренко) считают, что роменские племена имеют генетическую связь с пеньковской и колочинской культурами, занимавшими днепровское лесостепное левобережье в 3-й четверти I тыс. н.э., сторонники второй (И.И. Ляпушкин, А.В. Григорьев) настаивают на ее пришлом характере. При этом, приверженцы миграционистской гипотезы расходятся в вопросах об исходной точке миграции северян. И.И. Ляпушкин считал, что это районы днепровского правобережья, А.В. Григорьев называет в качестве таковой Нижний Дунай. В качестве основных аргументов А.В. Григорьев приводит традицию сооружения печей из глиняных останцов, бытовавшую у славян Подунавья в VI-VII вв. н.э., а также использования нижнедунайских образцов при формировании роменского комплекта украшений. В свою очередь, отметим следующее обстоятельство. Как правило, пришлое население на новой территории занимает привычные ландшафтные зоны. Это обусловлено, в основном, хозяйственными причинами. Поселения северян демонстрируют явное тяготение к облесенным участкам лесостепи. Логично предположить, что их система земледелия формировалась в лесной полосе. Нижний Дунай к данной ландшафтной зоне не относится.

Малое количество схождений между пеньковскими и колочинскими древностями с одной стороны, и роменскими с другой, а также значительный хронологический промежуток между исчезновением основного массива населения третьей четверти I тыс. н.э. и появлением роменской культуры

позволяют со значительной долей уверенности говорить о ее пришлом характере. Определить исходный пункт миграции весьма сложно еще и потому, что многие типичные черты культуры сформировались уже на территории Днепровского лесостепного левобережья.

Литература к разделу II.

Березовец Д.Т. Археологические памятники летописных северян // КСИА АН УССР, вып. 2. 1953.

Березовец Д.Т. До питання про літописних сіверян // Археологія Т. VIII. Київ, 1953.

Горюнов Е.А. О памятниках волынцевского типа // КСИА. №144. 1975.

Григорьев А.В. Некоторые замечания по поводу украшений роменской культуры // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990.

Григорьев А.В. Некоторые хронологические изменения в конструкции жилищ роменской культуры // Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ. М., 1990.

Григорьев А.В. Северская земля в VIII - начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000.

Григорьев А.В. К вопросу о погребальном обряде северян // Питання археології Сумщіни. Суми, 1990.

Григорьев А.В. О роменской и древнерусской керамике на левобережье Днепра // Старожитності Південної Русі. Чернігів, 1993.

Дьяченко А.Г. Хотмыжское городище // Археологические исследования в XII пятилетке. Белгород, 1990.

Дьяченко А.Г. О датировке поселения роменской культуры на Донецком городище // История и археология Слободской Украины. Харьков, 1992.

Енуков В.В. К вопросу о судьбе роменской культуры в Курском Посеймье // Теория и методика исследования археологических памятников лесостепной зоны. Тез. докл. Липецк, 1992.

Енукова О.Н. Позднероменское погребение из Лебяжьего // Теория и методика исследования археологических памятников лесостепной зоны. Тез. докладов. Липецк, 1992.

Куза А.В. Большое городище у с. Горналь // Древнерусские города. М., 1981.

Ляпушкин И.И. О датировке городищ роменско-боршевской культуры // СА. №IX. М., 1947

Ляпушкин И.И. Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного левобережья // СА. №XVI. М., 1952.

Ляпушкин И.И. О жилищах восточных славян Днепровского левобережья в VIII-X вв. // КСИИМК, вып. 68. М., 1957.

Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. МИА. №74. М., 1958.

Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА. №104. М., 1961.

Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образование Древнерусского государства (VIII- первая половина IX века). МИА. №152. М., 1968.

Никитин А.В. Белгородская крепость XVI-XVII вв. // СА. №3. 1962.

Приймак В.В. О взаимоотношениях славян Днепровского Левобережье с населением салтовской культуры // Охрана и исследования памятников археологии Полтавщины. Тез. докл. Полтава, 1988.

Приймак В.В. Орудия земледелия населения Днепровского Левобережье в VIII-X вв. // Чернигов и его округа в VIII-XIII вв. Тез. докл. Чернигов, 1988.

Приймак В.В. Охранные исследования памятников VIII-X вв. в верхнем Поворсклье // Археологические исследования на Полтавщине. Полтава, 1990.

Седов В.В. Археология СССР: Восточные славяне в VI-XIII вв. М., 1982.

Сухобоков О.В. Славяне Днепровского Левобережья. Киев, 1975.

Сухобоков О.В. Роменская культура // Этнокультурная карта территории УССР в I тыс. н.э. Киев, 1985.

Сухобоков О.В. Славянские древности последней четверти I тыс. н.э. Днепровского Левобережья (волынцевская и роменская культуры) // Археология Украинской ССР. Т. III. Киев, 1986.

Сухобоков О.В. Дніпровське Лісостепове Лівобережжя VIII-XIII вв. Київ, 1992.

Сухобоков О.В., Юренко С.П. Керамический комплекс Опошнянского городища // Археологические исследования на Полтавщине. Полтава, 1990.

Третьяков П.Н. Об истоках культуры роменско-боршевской группировки // СА. №4. 1968.

Узянов А.А. Динамика технологического стереотипа в орнаментации роменской керамики // Естественные науки и археология в изучении древних производств. М., 1982.

Узянов А.А. Освоение среднерусской возвышенности славянами в раннем средневековье // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М., 1993.

Шинаков Е.А. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. №3. 1980.

Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962.

Шрамко Б.А. Раннеславянское поселение VIII-X вв. на Донецком городище // МИА. №176. М., 1970.

Щеглова О.А. Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа // Археологические памятники эпохи железа в Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987.

Юренко С.П. Волынцевская культура // Этнокультурная карта территории УССР в I тыс. н.э. Киев, 1985.

Контрольные вопросы к разделу II

1. В чем причины малочисленности памятников роменской культуры на территории Белгородской области?

2. Назовите памятники роменской культуры расположенные на территории Белгородской области.

3. Какова этническая принадлежность населения роменской культуры?

4. Каковы особенности расположения селищ роменской культуры?

5. Охарактеризуйте фортификацию роменской культуры.

6. Какие типы жилищ характерны для роменской культуры?

7. Какой тип отопительного устройства характерен для жилищ роменской культуры?

8. Охарактеризуйте погребальный обряд роменской культуры.

9. Какой состав формовочной массы типичен для керамики роменской культуры?

10. Какой вид орнамента типичен для роменской керамики?

11. Какие виды посуды входили в состав керамического комплекса роменской культуры?

12. Что представляют собой сосуды «волынцевского» типа?

13. Какие виды украшений роменской культуры связаны с финно-угорским миром?

14. Какие виды украшений роменской культуры связаны со степным миром?

15. Какие виды украшений роменской культуры имеют дунайские корни?

16. Какие типы украшений характерны исключительно для северянских памятников?

17. В чем причина малого количества металлических предметов, выявляемых при раскопках роменских памятников?

18. Какие виды оружия и орудий труда выявляются при раскопках роменских памятников?

19. Какие находки свидетельствуют о развитии ремесел у племен роменской культуры?

20. Какие находки свидетельствуют о развитии торговли у племен роменской культуры?

21. Охарактеризуйте хозяйство населения роменской культуры.

22. Охарактеризуйте социальное и политическое развитие Северской земли.

23. Какие гипотезы происхождения роменской культуры вам известны?

24. Какая гипотеза кажется вам наиболее убедительной и почему?

Темы рефератов по разделу I

1. Хозяйство населения роменской культуры.
2. Погребальный обряд роменской культуры.
3. Украшения роменской культуры.
4. Фортификация роменской культуры.
5. Военное дело населения роменской культуры.
6. Ремесло роменской культуры.
7. Хронология роменской культуры.
8. Постройки роменской культуры.
9. Торговля роменской культуры.
10. Керамика роменской культуры.
11. Северская земля по данным письменных источников.

Заключение

В VIII-X вв. территория будущей Белгородской области была заселена представителями различных по происхождению племен. Юго-восточная часть области была занята носителями салтово-маяцкой культуры, представлявшей собой пестрый полиэтничный конгломерат. В северо-западной части проживали представители славянского объединения Север – гораздо более однородного по своему этническому составу. Обе группы населения политически были подчинены Хазарскому каганату. Причем, если статус северян, как данников каганата известен благодаря Повести временных лет, то характер подчинения салтово-маяцкой культуры итильскому правительству не ясен.

В экономическом и культурном развитии салтово-маяцкие племена несколько опережали славянское население. Это проявляется в более высоком уровне развития металлургии и гончарного производства. У салтовского населения практически отсутствуют орудия труда из кости, занимающие значительное место в орудийном комплексе роменской культуры.

Отношения между славянским и салтовским населением носили мирный характер. Следов военных столкновений между ними практически не прослеживается. О контактах свидетельствуют находки вещей салтово-маяцкого круга на поселениях роменской культуры. При этом собственно северянские предметы в материалах памятников салтово-маяцкой культуры не встречаются.

Роменская культура пережила салтово-маяцкую в Доно-Днепровском междуречье на сто лет. Это говорит о том, что причины исчезновения салтово-маяцкой культуры лежат не в военной, или не только в военной плоскости. Ведь если допустить, что основной причиной гибели салтово-маяцкой культуры явилось вторжение печенегов, то остается неясным почему уцелело роменское население. Отсутствие следов боевых действий на салтовских памятниках также говорит о невоенной причине гибели салтово-маяцкой культуры.

Рис. 1. Распространение памятников VIII-X вв на территории Белгородской области.

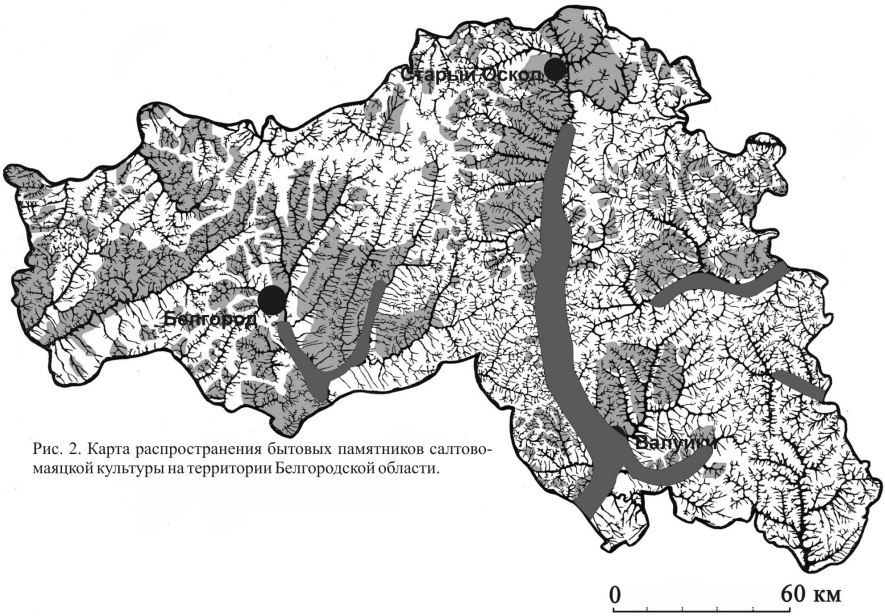

Рис. 2. Карта распространения бытовых памятников салтово-маяцкой культуры на территории Белгородской области.

Рис. 3. Карта распространения городищ салтово-маяцкой культуры на территории Белгородской области. 1 - Дмитриевское; 2 - Ютановское; 3 - Поминово; 4 - Красное Городище; 5 - Алексеевское; 6 - Колтуновское; 7 - Мухоудеровское.

Рис. 4. Карта распространения могильников салтово-маяцкой культуры на территории Белгородской области. 1 - Дмитриевский; 2 - Ютановский; 3 - Нижнелубянский; 4 - Афоньевский; 5 - Подгоровский; 6 - Валуйский; 7 -Алексеевский; 8 - Столбище; 9 - Слоновка; 10 - Ржевский; 11 - Тишанский; 12 - Волоконовский; 13 - Тереховский; 14 - Мандровский; 15 - Рождественский; 16 - Утиновский; 17 - Белый Плес.

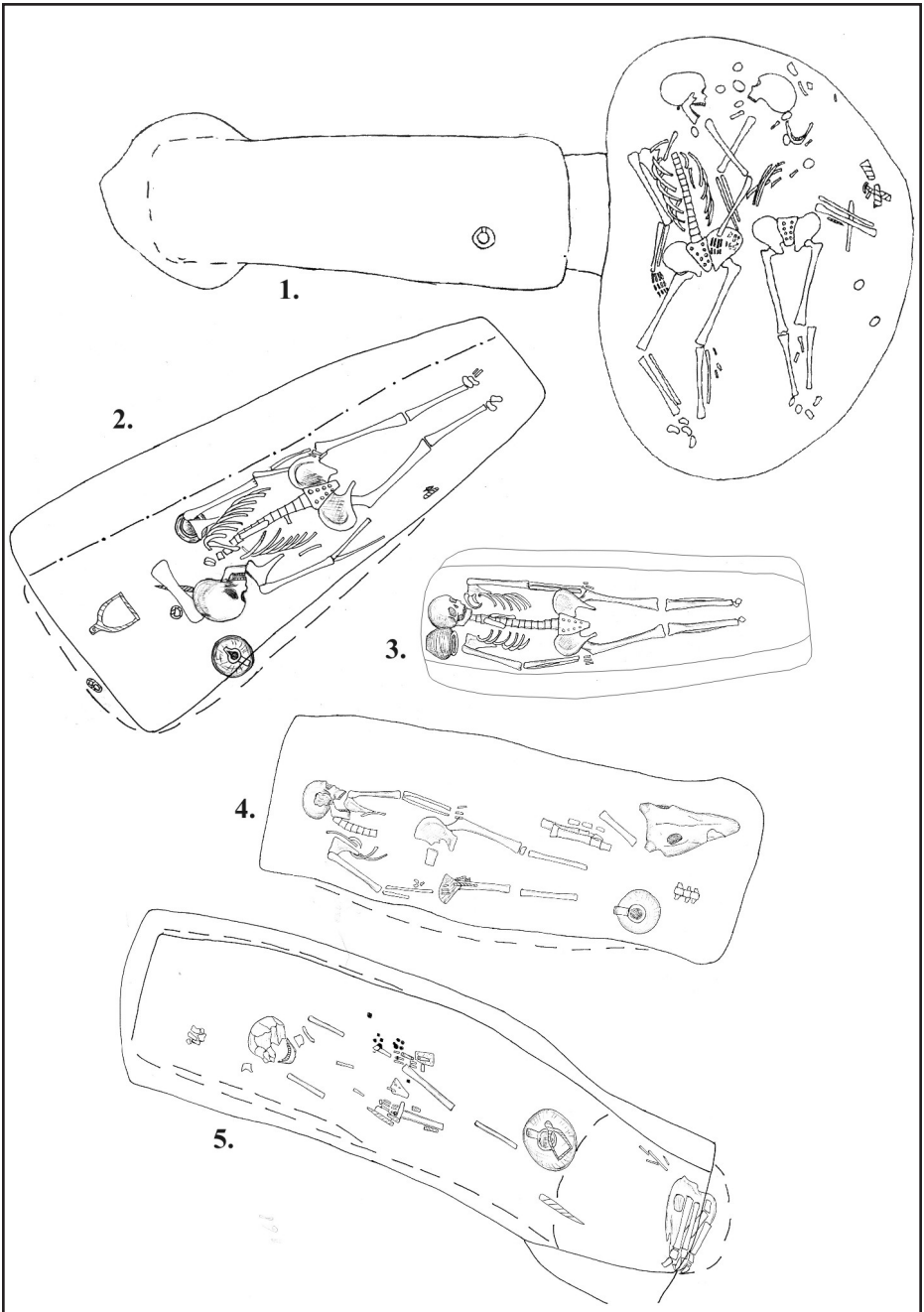

Рис. 5. Погребения салтово-маяцкой культуры. 1 - Дмитриевский могильник; 2 - Мандровский могильник; 3 - Рождественский могильник; 4-5

Рис. 6. Керамика салтово-маяцкой культуры. 1-3 - импортная; 4-6 - кухонная; 7-9 - столовая. 1 - амфора; 2 - баклага; 3 - ойнохоя; 4-6 - горшки; 7-8 - кувшины; 9 - кубышка с ручкой.

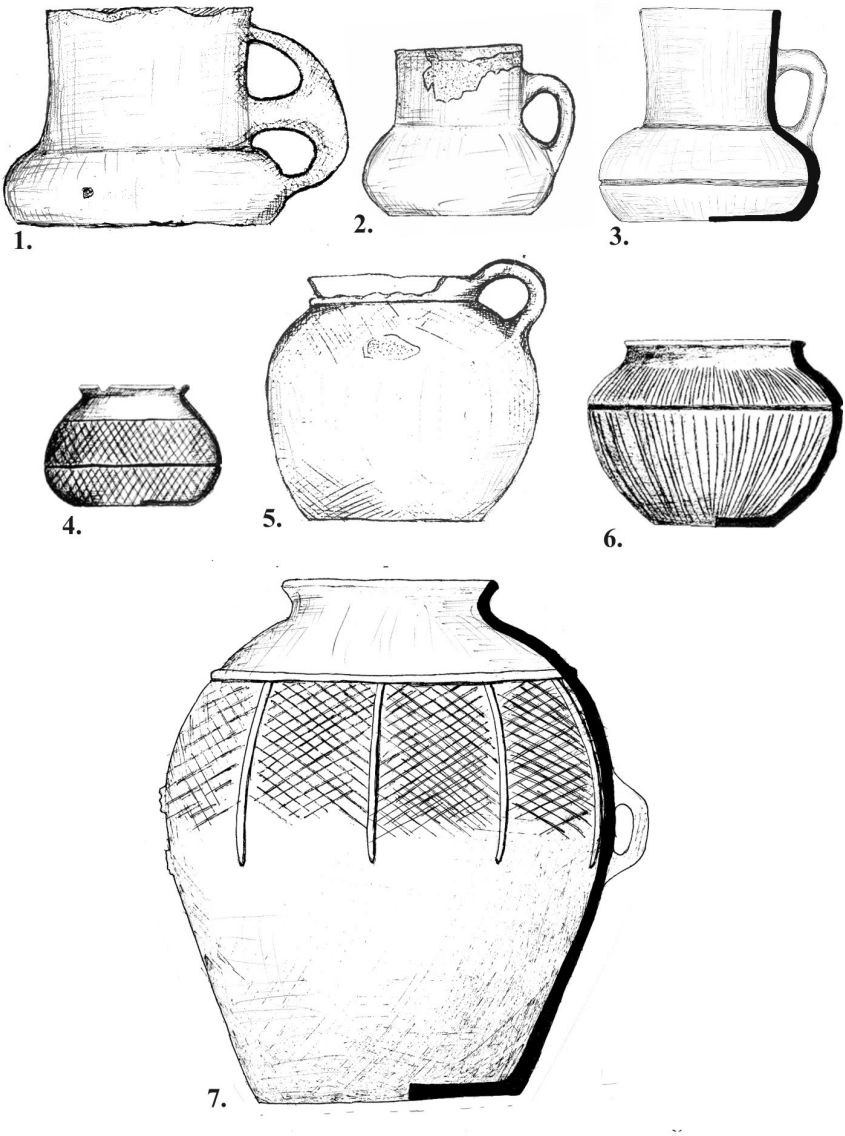

Рис. 7. Столовая керамика салтово-маяцкой культуры. 1-3 - кружки; 4 - кубышка; 4 - горшок с ручкой; 6 - горшок; 7 - пифос.

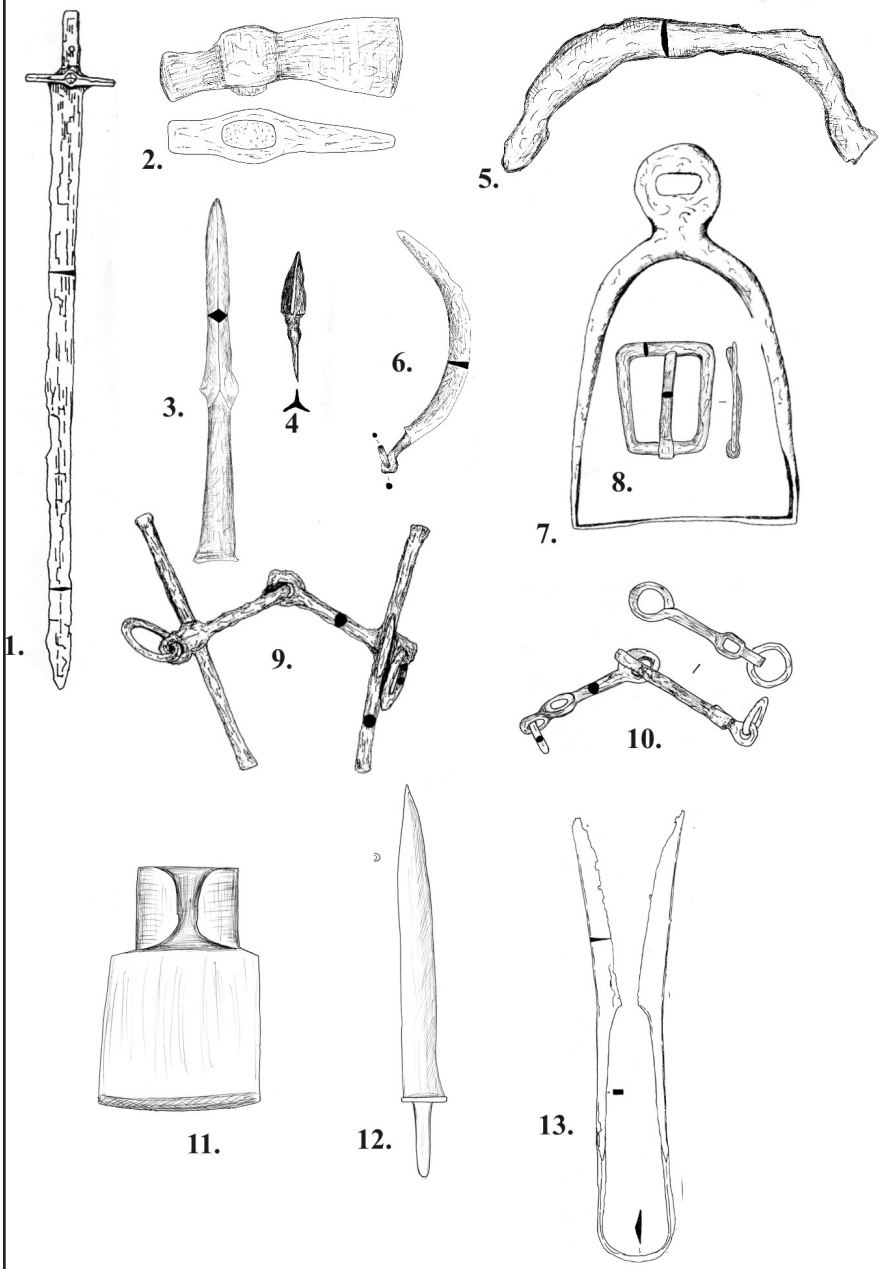

Рис. 8. Изделия из железа салтово-маяцкой культуры. 1 - меч; топор; 3 - наконечник копья; 4 - наконечник стрелы; 5 - оковка седла; 6 - серп; 7 - стремя;

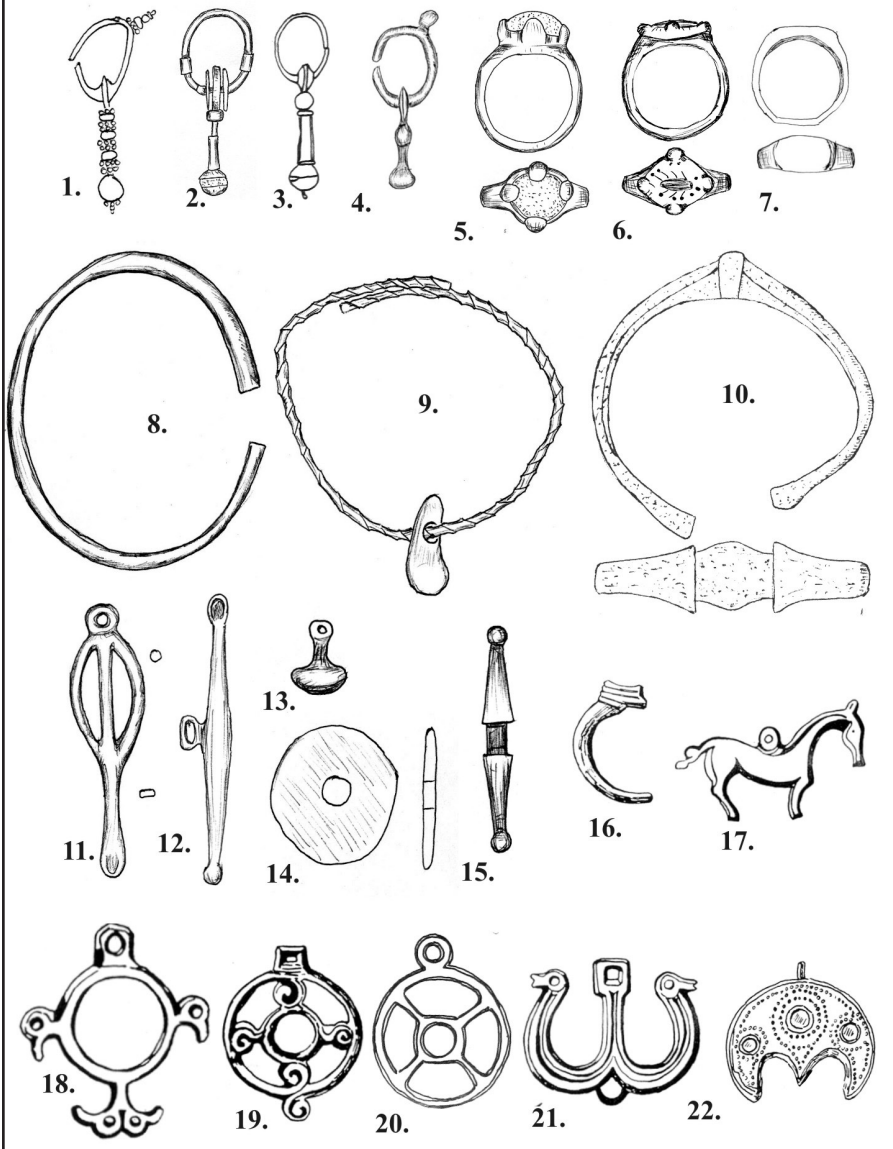

Рис. 9. Украшения, предметы туалета, фурнитура, амулеты. 1-4 - серьги; 5-7 - перстни; 8-10 - браслеты; 11-12 - копоушки; 13-15 - пуговицы; 16-22 - амулеты.

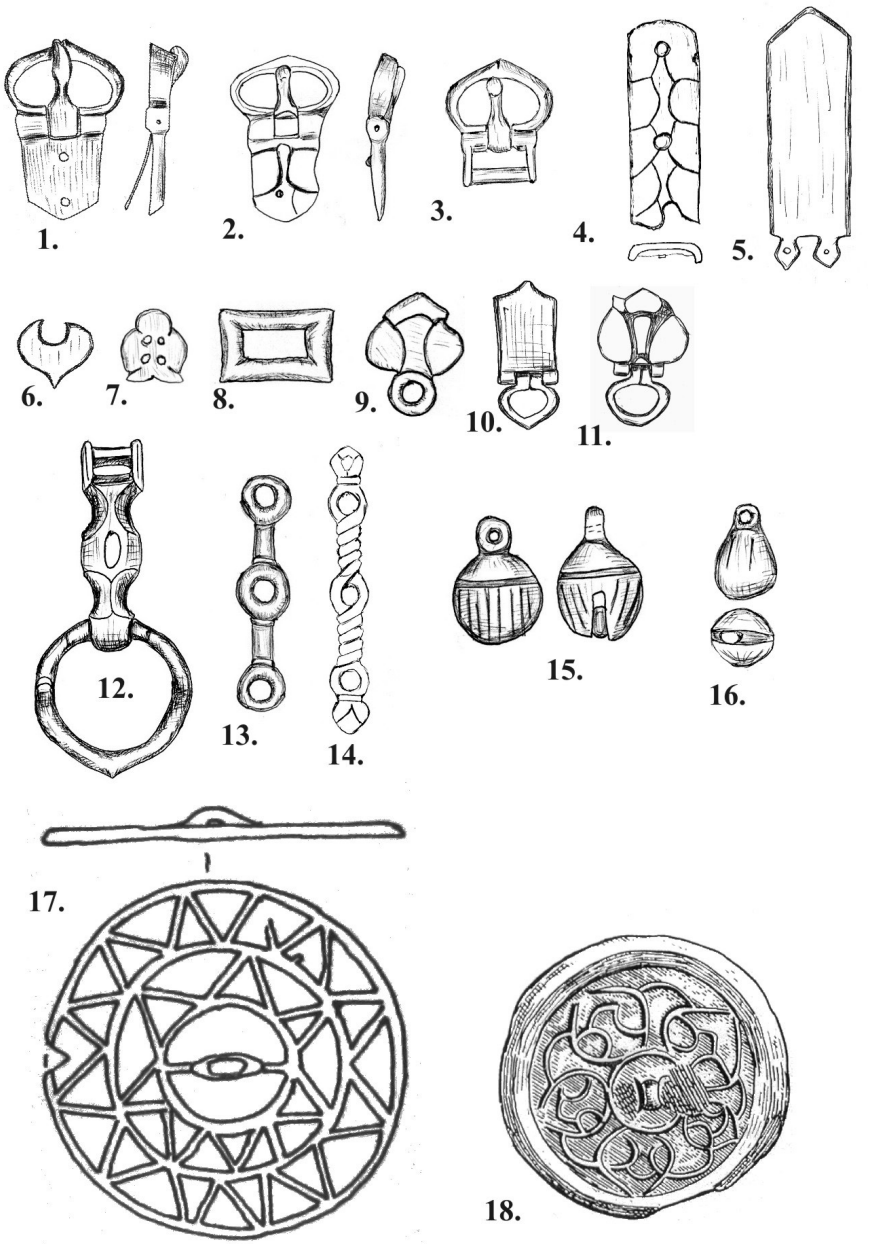

Рис. 10. Изделия из бронзы.1-3 - поясные пряжки; 4-5 - наконечники поясов; 6-11 - поясные бляшки; 12-14 - распределители; 15-16 -

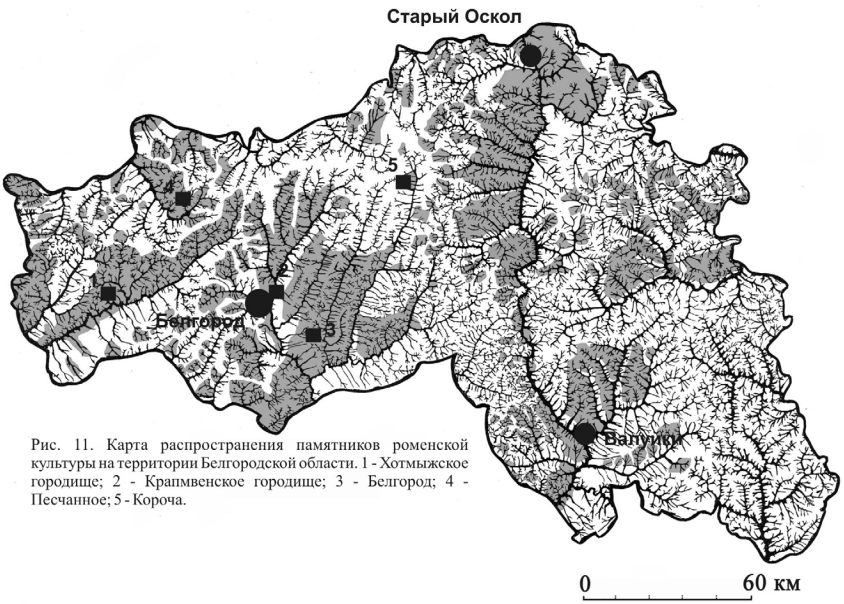

Рис. 11. Карта распространения памятников роменской культуры на территории Белгородской области. 1 - Хотмыжское городище; 2 - Крапивенское городище; 3 - Белгород; 4 - Песчанное; 5 - Короча.

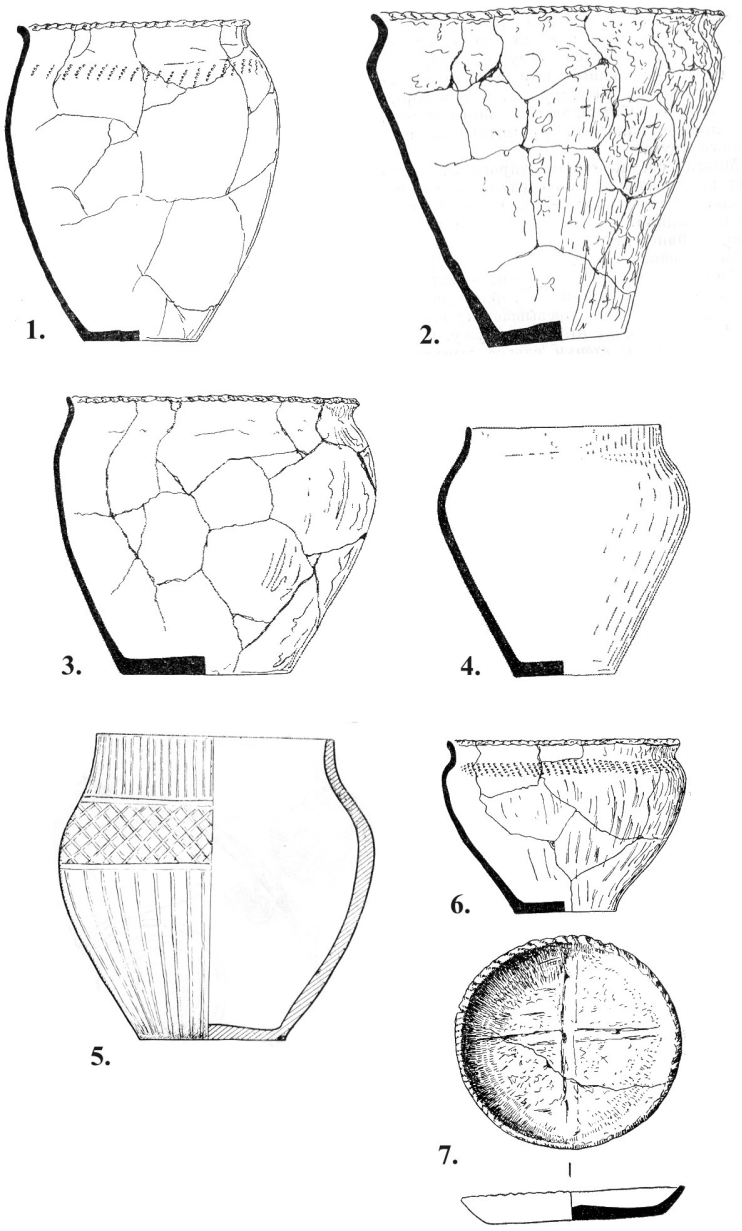

Рис. 12. Керамика роменской культуры. 1-5 - горшки; 6 - миска; 7 - сковорода; 1 - горшок I типа; 2 - горшок II типа; 3 - горшок III типа; 4-5 - лощеные горшки волынцевского типа.

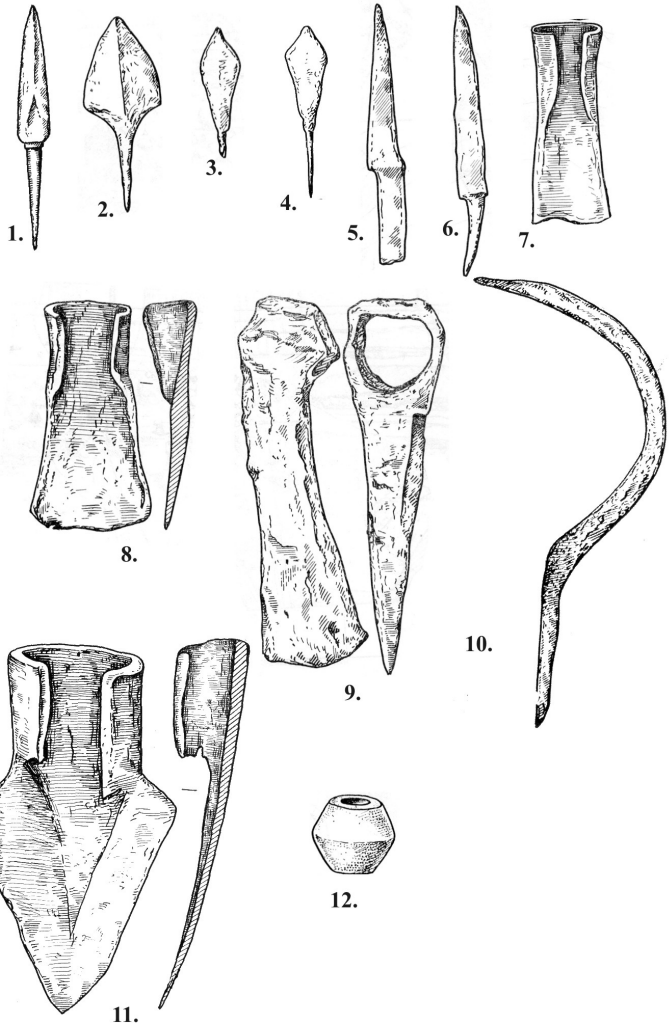

Рис. 13. Оружие и орудия труда роменской культуры. 1-4 - наконечники стрел; 5-6 - ножи; 7 - тесло; 8 - мотыжка; 9 - топор; 10 - серп; 11 -

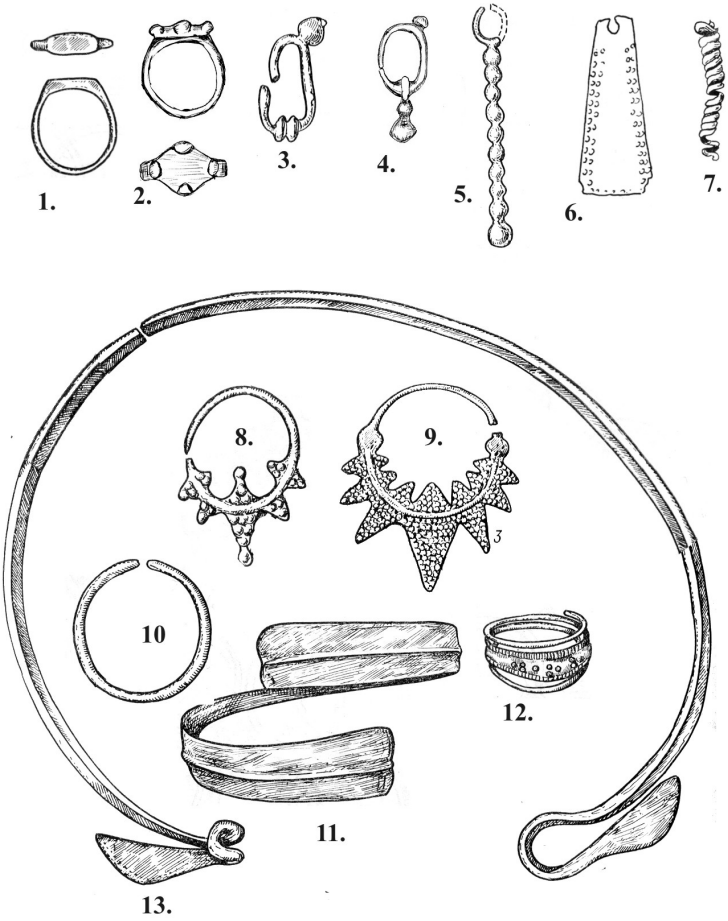

Рис. 14. Украшения роменской культуры. 1-2, 12 - перстни; 3-5 - серьги; 6 - подвеска; 7 - пронизка; 8-9 - височные кольца; 10-11 - браслеты; 13 - шейная гривна.